

502
Морис Тьянзола

Л Е Н И Н

в ШВЕЙЦАРИИ

МОРИС ПИАНЗОЛА

ЛЕНИН

в

ШВЕЙЦАРИИ

МОРИС ПИАНЗОЛА

58-3

3963_а

Л Е Н И Н
В
ШВЕЙЦАРИИ

«Самый земной из всех
прошедших по земле людей».
В. Маяковский

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1958

ПРЕДИСЛОВИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Книга прогрессивного швейцарского писателя и журналиста Мориса Пианзолы (с предисловием известного общественного деятеля профессора Андре Боннара) была издана в Швейцарии на французском языке и в ГДР — на немецком. Хотя автор и не ставил перед собой задачу всесторонней характеристики деятельности В. И. Ленина в годы швейцарской эмиграции, книга его, несомненно, достойна внимания советского читателя.

Книга переведена с французского оригинального издания с учетом исправлений и дополнений, внесенных автором в немецкое издание, и издается с некоторыми сокращениями.

Все произведения В. И. Ленина цитируются по 4-му изданию Собрания сочинений, воспоминания Н. К. Крупской — по изданию 1957 г.

Почему эта книга не была написана уже давно?

С мая 1895 года по апрель 1917 года титан современного мира Ленин прожил в нашей стране, порою с большими перерывами, в общей сложности около семи лет.

В то время Швейцария была более гостеприимной страной, нежели сейчас, и в наших городах — в Женеве, Лозанне, Берне и Цюрихе — Ленин выступал или порусски перед своими многочисленными соотечественниками, эмигрировавшими в нашу страну, или же по-немецки перед более обширной аудиторией. Он говорил о том единственном деле, которому он безраздельно посвятил себя: о революции, призванной преобразить лицо мира и со временем принести людям благосостояние и мир.

Ленин восхищался красотой нашей природы. Он любил наши озера, гулял по нашим лесам, собирал грибы и ягоды; вместе со своей женой он бродил по нашим долинам, взбирался на вершины наших гор.

Он писал одной своей знакомой: «А на лыжах катайтесь?.. Научитесь... и по горам — обязательно. Хорошо на горах зимой! Прелесть и Россией пахнет».

Он любил нашу страну и наш народ почти так же, как свою страну и свой народ. Для него уже не существовало враждебных и разобщенных народов. Он был всецело во власти грядущего великого братства людей и разнообразия дружественных наций.

Во имя осуществления этой цели он и работал у нас, то в дешевых пансионах для рабочих, то в горной хижине, то в голых, но благодаря ему быстро наполнявшихся друзьями комнатах рабочих окраин наших горо-

дов. Никогда не впадая в уныние, он писал, читал и работал целыми днями. Конечно, не в одиночку (ведь он поднимал массы на борьбу), а как один из самых смелых борцов, подвергавшихся наибольшей опасности, бросал он вызов царизму, боролся с враждующими друг с другом, но всемогущими империалистическими державами. Он никогда не сомневался в победе.

Он работал. Он боролся. Он с исключительной энергией организовывал Российскую социал-демократическую рабочую партию и, несмотря на свою молодость, пользовался таким авторитетом, какого не было ни у кого из его соратников по борьбе, что дало полное основание Сталину назвать его «горным орлом».

Он был вождем. Он знал, что рожден не для «приспособления к действительности», а для «изменения ее». Он был реалистом в активном, динамическом смысле этого слова: созидателем, творцом реальной жизни.

В этой книге говорится о тысяче разных вещей: не только о борьбе, но и о полных выдумки играх с детьми, обожавшими его; и прежде всего о его глубокой любви к своему народу — если он и был с кем-либо резок, то только из добрых чувств; о неиссякаемой выдержке, с которой он воспринимал события и людей, которые, казалось, хотели свести на нет его усилия, но неизменно наталкивались на его незыблемую стойкость и стальную волю.

Вся книга проникнута духом активной деятельности Ленина: выпускаются газеты, которые затем нелегально распространяются в его стране; созываются съезды, и если их работа прерывается, то тут же она возобновляется в другом месте; из-под его пера выходят многочисленные брошюры и крупные теоретические работы. Ленин читает, читает и читает — в библиотеках, а по вечерам дома. Для переустройства жизни по-новому надо ведь знать все о людях.

Благодаря деятельности Ленина мы как бы связаны с историей его страны. Великий труженик достаточно любил нас, чтобы сражаться вместе с нами. Он боролся против наших оппортунистов и разоблачал их. Он вскрывал истинный характер нашей демократии. Он указывал нам правильный путь, в чем мы так нуждались.

Ленин жил у нас не как эмигрант, занятый только интересами своей собственной страны. На гостеприим-

ство, оказывавшееся ему в скромных домах простых людей, которых он так любил, он отвечал действенной дружбой и великодушно трудился на благо нашего народа.

Последняя часть этой книги, где говорится о том, как Ленин со всей своей страстностью принимает участие в нашей политической жизни, является одним из наиболее интересных и ценных разделов книги.

* *
*

Все эти события нашли свое отражение в письмах и воспоминаниях, в газетах, листовках, протоколах, в собрании сочинений Ленина и т. д. Они были доступны каждому. Нужно было только собрать их и последовательно изложить в живой форме.

Счастлив тот, кто умеет заставить говорить историю. У Мориса Пианзолы есть этот дар. Не придумывая (ради «занимательности») ни единой детали, он с какой-то обаятельной простотой раскрывает столь серьезную тему.

Это серьезная книга. Жизнь Ленина, находившегося вдали от своего народа, но указавшего путь своему народу и всем народам, была всецело посвящена будущему человечества, заботе о судьбах наших детей и делу мира. О чем, как не о судьбах человечества, шла речь на всех этих конференциях — в Циммервальде, Кинтале и в том лесу под Берном, где 6 сентября 1914 года собрались 8—9 революционеров, чтобы нанести поражение всем империалистам мира?

Это серьезная книга, и тем не менее она полна радости, а подчас и веселья. Это та глубокая радость, которая наполняет самого Ленина, радость труда во имя самого великого дела на земле — освобождения всех людей, радость и уверенность в победе. Подчас из повествования слышится и его сердечный раскатистый смех.

Эта книга — счастливая книга. Я хочу этим сказать, что она придает нам мужество для борьбы и готовит нас к счастью.

Андре Боннар

ГЛАВА I

ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТНИЙ
ПУТЕШЕСТВЕННИК

*Природа хороша, язык труден.— Теория и практика
встречаются в одном из кварталов Женевы.*

«Природа здесь роскошная. Я люблюсь ею все время. Тотчас же за той немецкой станцией, с которой я писал тебе, начались Альпы, пошли озера, так что нельзя было оторваться от окна вагона...»

Молодой путешественник, пишущий эти строки в своем письме к матери 20 мая 1895 года,— не обычный турист. Он любит природу, но отнюдь не праздное намерение восторгаться ее красотами привело его из Санкт-Петербурга в Швейцарию. Во время поездки он много читает, встречается с разными людьми, однако в письмах, вскрываемых царской полицией, лучше не упоминать авторов этих книг и не рассказывать об этих встречах.

Он хорошо знает немецкий и французский языки. Во всяком случае, бегло читает на них, хотя и не привык пока воспринимать на слух живую речь. Вот что он писал по этому поводу матери из Зальцбурга еще до пересечения швейцарской границы:

«По «загранице» путешествую уже вторые сутки и упражняюсь в языке: я оказался совсем швах, понимаю немцев с величайшим трудом, лучше сказать, *не понимаю вовсе*. Пристаешь к кондуктору с каким-нибудь вопросом,— он отвечает; я не понимаю. Он повторяет громче. Я все-таки не понимаю, и тот сердится и уходит. Несмотря на такое позорное фиаско, духом не падаю и довольно усердно коверкаю немецкий язык».

Пробыв с месяц в Швейцарии, молодой путешественник отправился в Париж, где познакомился с социалистом Полем Лафаргом, зятем Карла Маркса.

«В Париже я только еще начинаю мало-мало осматриваться: город громадный, изрядно раскинутый, так что окраины (на которых чаще бываешь) не дают представления о центре. Впечатление производит очень приятное — широкие, светлые улицы, очень часто бульвары, много зелени; публика держит себя совершенно непринужденно,— так что даже несколько удивляешься сначала, привыкнув к петербургской чинности и строгости».

В июле, возвратившись на несколько дней в Швейцарию, он посылает матери подробное письмо:

«Я писал последнее письмо, если не ошибаюсь, восьмого. С того времени я многого пошлялся и попал теперь... в один швейцарский курорт: решил воспользоваться случаем, чтобы вплотную приняться за надоевшую болезнь (желудка), тем более, что врача-специалиста, который содержит этот курорт, мне очень рекомендовали как знатока своего дела. Живу я в этом курорте уже несколько дней и чувствую себя недурно, пансион прекрасный и лечение видимо дельное, так что надеюсь дня через 4—5 выбраться отсюда. Жизнь здесь обойдется, по всем видимостям, очень дорого; лечение еще дороже, так что я уже вышел из своего бюджета и не надеюсь теперь обойтись своими ресурсами. Если можно, пошли мне еще рублей сто, по следующему адресу: *Suisse, Zürich. Parterre. Seilergraben, 37. Н-п. Grünfest [больше ничего; передач и тому подобное не нужно]*. Во всяком случае по этому адресу буду ждать письма, а своего адреса не пишу, потому что бесполезно: все равно уеду отсюда раньше, чем можно будет получить ответ.

Как довольны вы своим путешествием по Волге? Что нового там? Все ли здоровы? Вероятно, письмо мне уже послано, но я еще не получил его [последнее письмо получил от Марка в Париже — открытку], потому что все перезжал. Но если оно послано по парижскому адресу, то я его получу.

Жаркое ли у вас лето? Здесь очень жаркое, но я живу теперь в хорошем месте, далеко от города; среди зелени и близ большого озера.

Поклон всем нашим».

Этот испытывающий нужду в деньгах двадцатипятилетний молодой человек был Владимир Ильич Ульянов, ставший позднее известным под фамилией Ленин. Он

прибыл в Швейцарию по поручению петербургских социал-демократических кружков для установления связи с русской эмигрантской группой «Освобождение труда», которой руководил в Женеве марксистский теоретик Георгий Плеханов.

Соединить теорию с практикой — такова была цель продолжительной поездки, предпринятой Лениным.

Вот он идет по улицам Женевы — города, в котором тридцать лет тому назад состоялся первый конгресс основанного Карлом Марксом I Интернационала. Рабочие, которые проходят мимо него в квартале Пленпале, принадлежат, возможно, к совсем еще молодой социалистической партии Швейцарии. Как бы они удивились, если бы могли знать, что только что навстречу им прошел человек, который станет создателем первого в мире социалистического государства.

В царской империи, от Петербурга до Кавказа, были люди, которые уже уверовали в Ленина. «Я во что бы то ни стало должен увидеть его», — сказал один из учащихся тифлисской духовной семинарии, прочитав статью за подписью «Тулин» в сборнике, вышедшем в том же 1895 году.

Фамилия «Тулин» была первым псевдонимом Ленина, а юношу-грузина из духовной семинарии, украдкой читавшего марксистскую литературу, звали Иосифом, он был сыном сапожника Виссариона Джугашвили и дочери крепостного крестьянина. Товарищи дали ему вскоре имя Сталин.

Кто же этот молодой Ульянов, с озабоченным видом направляющийся сейчас к Женевскому университету, за которым, на улице Кондоль, живет знаменитый Плеханов, и почему петербургские социал-демократы остановили свой выбор именно на нем?

ГЛАВА II

СТУДЕНТ ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ УЛЬЯНОВ

«Что вы бунтуете, молодой человек?» — Первый клиент адвоката Ульянова. — Очень знающий марксист.

«О каких это угнетенных классах вы тут пишете, причем это тут?» — спрашивает директор симбирской гимназии Ульянова, возвращая ему сочинение.

Худошавый гимназист с высоким лбом спокойно стоит перед рассерженным директором. Разве на этот вопрос за него не отвечают улицы Симбирска, волжские пристани? Изо дня в день он видит там тружеников в лохмотьях, жалких нищих крестьян. Несмотря на стеснение, которое могла вызывать его гимназическая форма, он часто заговаривает с ними, а вечером, возвращаясь в небольшой деревянный дом своих родителей, задает им много вопросов. И родители всегда говорят ему правду. Его отец, инспектор народных училищ, воспитывает сына в духе уважения к труду и народу. По вечерам, когда вся семья Ульяновых собирается за столом, мать Ленина учит своих детей любить вдохновенных и стойких героев классической русской и зарубежной литературы.

Владимир Ильич Ульянов родился 22 апреля 1870 года в городе Симбирске (ныне Ульяновск). Ему едва минуло 17 лет, когда однажды близкий друг их семьи¹ сообщила ему о том, что его старший брат Александр только что арестован в Петербурге за участие в подготовке покушения на царя.

«Передо мной, — пишет она в своих воспоминаниях, — сидел уже не прежний, бесшабашный, жизнерадостный мальчик, а взрослый человек, глубоко задумавшийся над важным вопросом.

¹ В. В. Кашкадамова. — *Ред.*

«А ведь дело-то серьезное,— сказал он: — может плохо кончиться для Саши».

Всех симбирских либералов из «хорошего общества», любивших при закрытых ставнях поболтать против царя, с тех пор охватывает паника при мысли о возможности встретиться с кем-нибудь из семьи Ульяновых. Юный Ленин с отвращением наблюдал эту картину.

Когда стало известно, что Александр повешен в Шлиссельбургской крепости, Володя, несмотря на все свое восхищение героизмом брата, осудил тактику покушений, заявив: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти».

Несколько месяцев спустя, в ночь с 4 на 5 декабря 1887 года, полиция арестовывает Ленина за участие в сходке протеста студентов Казанского университета против реакционного устава, который власти хотели навязать студентам.

«Что вы бунтуете, молодой человек? Ведь перед вами стена»,— сказал ему полицейский пристав.

«Стена, да гнилая, тщи,— и развалится»,— холодно ответил Ленин.

Сосланный на год в деревню, он усердно занимается самообразованием. По окончании срока ссылки он получает возможность вернуться к матери в Казань, но в поступлении в университет ему было отказано. Ленин изучает «Капитал» Карла Маркса, вступает в один из казанских марксистских кружков. Нового ареста он избегает только благодаря тому, что незадолго до разгрома кружка переезжает в Самару, где участники подпольных молодежных кружков знакомятся в его переводе с «Манифестом Коммунистической партии» Маркса и Энгельса.

Ленину двадцать лет, сердце его преисполнено любви к народу, ум его просвещен чтением, взор его пытливо изучает жизнь родной страны, оценивая русскую действительность с позиций научного социализма.

В течение нескольких месяцев ему отказывают в возможности держать экзамены экстерном за юридический факультет. Когда он, наконец, получает разрешение, ему остается только лишь один год для усвоения программы четырехлетнего университетского курса. Он с рвением берется за дело, продолжая в то же время изучать Маркса. Когда его начинает одолевать усталость, он ухо-

дит погулять, выкупаться в реке. На экзаменах из 33 державших испытания только он один получает отличные оценки по всем предметам.

Получив диплом, Ленин не стремится к обогащению. Наоборот, он ведет дела бедных, запутавшихся в долгах русских и татарских крестьян, перенесших тяжелый неурожайный год. Так, первым его подзащитным был крестьянин, который обвинялся в том, что «ругал бога, богородицу, святую троицу, государя-императора и его наследника, говоря, что государь неправильно распоряжается».

Ленин ведет работу в марксистских кружках Самары и устанавливает связь с марксистами других городов.

Когда в 1893 году Ленин переезжает из Самары в Петербург, Поволжье стало уже настоящим очагом марксизма. Начиналась закладка фундамента организации, которая должна была перейти от пропаганды марксизма к повседневной политической агитации в широких рабочих массах.

«Очень знающий марксист приехал недавно с Волги»,— вскоре стали говорить в революционных кругах Петербурга.

Вот как описывал рабочий Бабушкин ленинский метод пропаганды марксизма:

«Лектор излагал нам эту науку словесно, без всякой тетради, часто стараясь вызывать у нас или возражения, или желание завязать спор, и тогда подзадоривал, составляя одного доказывать другому справедливость своей точки зрения на данный вопрос. Таким образом, наши лекции носили характер очень живой, интересный, с претензией к навыку стать ораторами; этот способ занятий служил лучшим средством уяснения данного вопроса слушателями. Мы все бывали очень довольны этими лекциями и постоянно восхищались умом нашего лектора, продолжая острить между собою, что от слишком большого ума у него волосы вон лезут. Но эти лекции в то же время приучили нас к самостоятельной работе, к добыванию материалов. Мы получали от лектора листки с разработанными вопросами, которые требовали от нас внимательного знакомства и наблюдения заводской и фабричной жизни».

В эту эпоху в старой России развивалась промышленность, все более многочисленным становился рабочий

класс, вспыхивали забастовки. Когда в конце 1894 года рабочие Семянниковского завода в Петербурге прекратили работу, Ленин с Бабушкиным составили для них листовку. Она была переписана от руки печатными буквами в четырех экземплярах, два из которых были перехвачены, а два другие, переходя из рук в руки, обошли весь завод. Это был первый шаг к слиянию социализма с рабочим движением.

В то же время Ленин пишет для рабочих популярные брошюры о законах и постановлениях, затрагивающих их интересы. В небольшой книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Ленин расчистил идеологическую почву, показав, что будущее в России принадлежит рабочему классу. При этом Ленин наметил путь создания организации, которая позволит рабочим вести сознательную борьбу. Эту брошюру, размноженную на гектографе всего в нескольких десятках экземпляров, прочли все рассеянные по России борцы. Книга Ленина сыграла роль своего рода манифеста, возвестившего о создании партии рабочего класса.

Пришла пора переходить к широким действиям. И тогда Ленину было поручено связаться в Женеве с группой «Освобождение труда», которая более чем за 10 лет своего существования так много сделала для распространения марксизма в России.

Мы оставили Ленина в тот момент, когда он направлялся на квартиру Плеханова. И вот он уже возвращается в Россию, везя с собой чемодан с двойным дном, наполненный марксистской литературой. 20 сентября 1895 года, когда он пересекал границу, русские жандармы, осматривавшие его багаж, не обнаружили ничего...

Переговоры в Женеве оказались нелегкими. Сначала члены группы «Освобождение труда», изолированные в своем изгнании, радостно, как струю свежего воздуха, встретили приезд молодого Ленина, проникнутого живым дыханием русского рабочего движения. Однако некоторые его воззрения поразили их своей смелостью. Так, Ленин заявлял, что либеральная буржуазия не будет играть руководящей роли в грядущей революции и что для свержения самодержавия рабочему классу необходим союз с крестьянством. Плеханов протестовал. Эти

первые разногласия явились лишь прологом ожесточенной борьбы, которая продолжалась целых 20 лет.

Ленин возвращался через Берлин огорченный тем, что, находясь за границей, он не смог, как собирался, встретиться с Фридрихом Энгельсом. Как раз в это время Энгельс тяжело заболел, а затем 5 августа 1895 года умер в Лондоне. В проходивших цензуре письмах к матери Ленин, конечно, ничего не писал об этом, ограничиваясь описанием своих будней.

Знакомясь с жизнью Берлина, Ленин одновременно собирает материалы для своей большой статьи «Фридрих Энгельс», в которой он славит дружбу и совместный подвиг основоположников социализма: «Старинные предания рассказывают о разных трогательных примерах дружбы. Европейский пролетариат может сказать, что его наука создана двумя учеными и борцами, отношения которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе».

Возвратившись в Петербург, Ленин объединил около двадцати марксистских кружков столицы в единый «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», который вскоре возглавил забастовочное движение рабочих Петербурга. Вскоре такие же союзы образуются и в других городах России.

Полиция решила нанести решительный удар «Союзу борьбы». В ночь с 20 на 21 декабря 1895 года жандармы, ворвавшись в помещение «Союза», подвергли его разгрому и арестовали Ленина и других членов организации.

Четырнадцать месяцев провел Ленин в тюрьме, четырнадцать месяцев, в течение которых он не прерывал своей деятельности. Он пишет молоком между строк старых толстых книг письмо за письмом, брошюру за брошюрой. Молоко он хранит в маленьких «чернильницах» из хлебного мякиша, которые быстро проглатывает при приближении надзирателя.

Между тем движение ширится: начинается стачка 30 тысяч текстильщиков.

В начале 1897 года Ленин был сослан царем на 3 года в Сибирь.

Но и там, в далекой Енисейской губернии, несмотря на все трудности ссылки, он продолжает теоретическую деятельность и ведет борьбу с теми, кто сбился с правильного пути.

ИСКРА НЕ ПОТУХЛА

Встреча на берегу Женевского озера.— Феноменальная нетерпимость Плеханова.

В этот последний субботний вечер августа 1900 года набережные Корсье, маленького местечка на берегу Женевского озера, были заполнены гуляющими.

Рыбаки неторопливо чинили свои сети, в то время как буржуа предавались отдыху в обвитых зеленью беседках. Они, эти буржуа, еще были полны впечатлений от всемирных выставок, отметивших успехи Швейцарии на поприще вывоза капитала и изделий точной механики. Перед ними проносятся ускользающие видения французского канкана, которым они упивались еще накануне, чтобы отвлечься от забот.

А заботы у них действительно есть. XIX век, век их обогащения, завершился годом промышленного кризиса. Стало труднее сбывать товары. В газетах между строк проскальзывают сообщения о необычных тайных совещаниях в приемных государственных канцелярий, где за обтянутыми зеленым сукном столами готовится новый передел мира, в то время как император, царь и президенты проводят смотры войск и наносят друг другу тщательно продуманные визиты. Во французской Швейцарии происходят демонстрации строительных и типографских рабочих; на другом конце страны — с неохотой сообщали газеты — вспыхнули волнения среди текстильщиков; совсем неподалеку от Корсье, в Шалон-сюр-Сон, полиция была «вынуждена» произвести массовое избивание забастовщиков.

И, наконец, лучше вовсе не говорить о том, что происходит в России, где странными вспышками озаряются темные ночи: это под возгласы крестьян горят господские усадьбы. В Петербурге толпы безработных осаж-

В ссылку к нему приехала молодая петербургская учительница Надежда Крупская, также арестованная во время налета на «Союз борьбы». Там они поженились.

Ленин пишет, переводит, читает, подбадривает товарищей по ссылке, а чтобы отдохнуть, ходит на охоту в лес. Иногда, описывая местную природу, он вспоминает виды Женевы:

«Горы... — писал он одной из своих сестер, — насчет этих гор я выразился очень неточно, ибо горы отсюда лежат *верстах в 50*, так что на них можно только глядеть, когда облака не закрывают их... точь-в-точь как из Женевы можно глядеть на Монблан».

В этом же письме он писал матери, которая в ту пору жила в Швейцарии:

«В гигиеническом отношении я устроился здесь вряд ли хуже, чем вы в Шпице: тоже купаюсь (иногда по 2 раза в день) в Енисее, гуляю, охочусь. Для гулянья, правда, здесь нет подходящих мест, но при охоте случается забираться далеко — в места недурные».

11 февраля 1900 года, после трех лет ссылки, Ленин покидает Сибирь. Весь 1900 год он посвятил работе по организации газеты «Искра», по созданию для нее прочной базы в России.

«Крупнее Ульянова сейчас в революции нет никого», — доносил жандармский полковник Зубатов своему начальству. Надо «срезать эту голову с революционного тела», — заключил он.

Газета могла издаваться только за границей. Поэтому 29 июля 1900 года Ленин снова пересекает русскую границу. Более пяти лет провел он на этот раз вдали от родины.

дают ворота заводов, охраняемые казаками. А сегодняшние вечерние газеты сообщили о том, что на Кавказе, в Тифлисе, вторую неделю продолжается забастовка четырех тысяч рабочих.

В этот вечер в Корсье можно было увидеть пять русских: женщину и четырех мужчин, которые, оживленно жестикулируя, о чем-то спорили на своем языке. По-видимому, у них возникли разногласия; во всяком случае, это можно было предположить по выражению лица одного из них — мужчины, одетого в безукоризненный сюртук. Он оставался хмурым и надутым, пока не пришел пароход, увезший его в Женеву.

После того как Плеханов уехал — мужчина с гневным взглядом был Плеханов, — Ленин, Потресов, Вера Засулич и Аксельрод, облегченно вздохнув, продолжали беседовать до тех пор, пока Ленин и Потресов, распрощавшись со своими товарищами из группы «Освобожденные труда», не отправились в деревушку Везену, где они сняли две комнаты в местной гостинице.

Ленин был встревожен.

Шагая по окаймленной высокими дубами дороге, он вспоминал дни, прожитые им с тех пор, как он покинул родину.

Из России он прежде всего поехал в Германию, где с помощью штуртгартских и мюнхенских социалистов предпринял первые необходимые меры для обеспечения издания «Искры». Затем он провел два дня в Цюрихе с Аксельродом. Приехав в конце августа в Женеву, он остановился в гостинице в Везене вместе с Потресовым. Все было готово. Оставалось только создать редакционный совет будущей «Искры», куда должны были войти как всеми уважаемый Плеханов, так и непосредственные представители зарождавшегося социалистического движения.

Первые дни прошли в обмене мнениями с Плехановым и в переговорах с другими русскими социалистами, жившими в Женеве, которым Ленин предложил сотрудничество в «Искре». С самого же начала Плеханов повел себя властно и неискренне, стремясь захватить в свои руки все руководство газетой и проявляя поистине «феноменальную нетерпимость», как писал Ленин. Наконец, как-то вечером во время прогулки по лесу в окрестностях Женевы, после ожесточенного спора о харак-

тере будущей газеты, Плеханов, положив руку на плечо Ленина, сказал: «Я ведь, господа, не ставлю условий, там обсудим все это на съезде сообща и решим вместе». Ленин с горечью вспоминает, как тронул его тогда этот жест. Однако со стороны Плеханова это оказалось притворством, и, когда возобновилось совещание, Плеханов снова держался крайне высокомерно, мешая установлению здоровых, товарищеских отношений.

Эти тревожные мысли не покидают Ленина на всем пути из Корсье в Везену.

В воскресенье, на следующий день после встречи в Корсье, члены будущей редакции собрались в Женеве, у Плеханова, который сразу же заявил, что он отказывается от поста одного из ответственных редакторов и хочет быть простым сотрудником. С ним не согласились.

«Ну, если вместе, — сказал Плеханов, — то как же мы голосовать будем; сколько голосов? — Шесть. — Шесть неудобно. — Ну, пускай у Г. В. будет 2 голоса, — вступается В. И.¹, — а то он всегда один будет, — два голоса по вопросу тактики».

Как только участники совещания согласились с этим предложением, которое ставило Плеханова в привилегированное положение, он сразу взял в свои руки бразды правления в редакции. Распределение отделов и самых мелких обязанностей было проведено им в тоне, который не допускал никаких возражений. Он как бы подавлял всех своим авторитетом.

Сойдя с парохода, Ленин и Потресов пошли к себе. Теперь, когда они остались одни, им стал ясен смысл комедии, которую разыграл перед ними Плеханов. Они оказались простаками и позволили провести себя за нос. Гнев наполнял их, когда они пришли в Везену.

«Нас точно прорвало, — читаем мы в подробных записях, сделанных Лениным неделю спустя и озаглавленных «Как чуть не потухла «Искра»?», — тяжелая атмосфера разразилась грозой. Мы ходили до позднего вечера из конца в конец нашей деревеньки, ночь была довольно темная, кругом ходили грозы и блистали молнии. Мы ходили и возмущались».

В понедельник шум шагов на лестнице разбудил Ленина ранее обыкновенного. Это пришел запыхавшийся

¹ В. И. Засулич. — *Ред.*

ЛЕНИНСКИЙ ПЛУГ

Горный орел.— Нужно изменить существующий мир!

Под руководством Ленина, который вначале обосновался в Мюнхене, «Искра» в течение двух с половиной лет регулярно выходила в Лейпциге, Мюнхене, Лондоне, а затем в Женеве. Это был настоящий подвиг! Набранная убористым шрифтом, напечатанная на тончайшей папиросной бумаге, она самыми различными хитроумными способами нелегально доставлялась в Россию в нескольких тысячах экземпляров. В ряде городов «Искру» перепечатывали. Чем был Ленин уже в то время для работавших в России революционеров, видно из следующих слов Сталина:

«Знакомство с революционной деятельностью Ленина с конца 90-х годов и особенно после 1901 года, после издания «Искры», привело меня к убеждению, что мы имеем в лице Ленина человека необыкновенного. Он не был тогда в моих глазах простым руководителем партии, он был ее фактическим создателем, ибо он один понимал внутреннюю сущность и неотложные нужды нашей партии. Когда я сравнивал его с остальными руководителями нашей партии, мне все время казалось, что соратники Ленина — Плеханов, Мартов, Аксельрод и другие — стоят ниже Ленина целой головой, что Ленин в сравнении с ними не просто один из руководителей, а руководитель высшего типа, горный орел, не знающий страха в борьбе и смело ведущий вперед партию по неизведанным путям русского революционного движения».

В мае 1901 года в статье «С чего начать?» Ленин так определил историческую миссию «Искры»:

Аксельрод. Пока он разговаривал с Потресовым, Ленин быстро умылся, оделся, и трое товарищей, «точно за покойником», как заметил Ленин, отправились в Корсье. Там к ним присоединилась Вера Засулич, подавленная предчувствием разрыва. Особенно глубоко переживал случившееся Ленин. После стольких испытаний и неудач, когда, казалось, все уже было готово для выпуска газеты, приходилось отказываться от последней надежды. «До такой степени тяжело было, что ей-богу временами мне казалось, что я расплачусь...» — писал он.

В полдень Ленин и Потресов возвратились в Вену — пообедать и написать о своем возвращении в Германию. Они даже составили телеграмму о расторжении соглашения с владельцем типографии, с которым они ранее договорились в Германии. После обеда они снова встретились с Плехановым в Корсье. Плеханов разыгрывает удивление, угрожает, льстит, жалуется, к еще большему разочарованию тех, кто еще недавно с такой верой шел за ним.

Во вторник Ленин и Потресов вновь отправились в Женеву, чтобы в последний раз поговорить с Плехановым перед отъездом в Германию.

Надо же было договориться!

Наконец, было решено, что все шестеро войдут в состав редакции, Плеханов будет иметь два голоса, но «Искра» будет выходить не в Женеве, а в Германии, как предлагал Ленин, ближе к русской границе, ближе к действительности, и подальше от эмигрантских интриг...

Было решено также приступить к изданию теоретического журнала «Заря» в качестве необходимого дополнения к газете.

Первый номер «Искры» вышел 24 декабря 1900 года. Эпиграф для газеты был взят из ответа декабристов Пушкину: «Из искры возгорится пламя». В статье, помещенной в этом номере, Ленин так определил цели газеты: создать организационно крепкую, идейно единую партию, которая позволит рабочему классу освободиться и освободить весь народ.

Рождался новый, XX, век. И «Искра», переходя из рук в руки как свидетельство о его рождении, возвещала из глубин подполья о том, что этот век будет веком коммунизма.

«По нашему мнению, исходным пунктом деятельности, первым практическим шагом к созданию желаемой организации, наконец, основную нить, держась которой мы могли бы неуклонно развивать, углублять и расширять эту организацию,— должна быть постановка общерусской политической газеты... без нее невозможно то систематическое ведение принципиально выдержанной и всесторонней пропаганды и агитации, которое составляет постоянную и главную задачу социал-демократии вообще и особенно насущную задачу настоящего момента, когда интерес к политике, к вопросам социализма пробужден в наиболее широких слоях населения».

Но «газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор», — любил говорить Ленин. Определяя в этой же статье задачи корреспондентов и распространителей «Искры», Ленин писал:

«Эта сеть агентов будет остоном именно такой организации, которая нам нужна: достаточно крупной, чтобы охватить всю страну; достаточно широкой и разносторонней, чтобы провести строгое и детальное разделение труда; достаточно выдержанной, чтобы уметь при всяких обстоятельствах, при всяких «поворотах» и неожиданностях вести неуклонно *свою* работу; достаточно гибкой, чтобы уметь, с одной стороны, уклониться от сражения в открытом поле с подавляющим своею силою неприятелем, когда он собрал на одном пункте все силы, а с другой стороны, чтобы уметь пользоваться неповоротливостью этого неприятеля и нападать на него там и тогда, где всего менее ожидают нападения».

В эмиграции Ленин ведет непримиримую идеологическую борьбу и в то же время принимает деятельное участие во всех усилиях по объединению социал-демократических кружков. В конце сентября 1901 года он на несколько дней приезжает в Цюрих. 3 октября он присутствовал на заседании редакции «Искры», а 4 и 5 октября под псевдонимом «Фрей» участвовал в «объединительном» съезде, который безуспешно пытался объединить социал-демократические организации за границей.

В марте 1902 года Ленин опубликовал в Штутгарте небольшую по объему, но огромную по значению книгу «Что делать?», на которой воспитывалось несколько по-

колений коммунистов и которая стала подлинной хартией партии.

Пламенными словами описывает Ленин в этой книге условия работы искровцев:

«Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не оступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения. И вот некоторые из нас принимаются кричать: пойдете в это болото! — а когда их начинают стыдить, они возражают: какие вы отсталые люди! и как вам не совестно отрицать за нами свободу звать вас на лучшую дорогу! — О да, господа, вы свободны не только звать, но и идти куда вам угодно, хотя бы в болото; мы находим даже, что ваше настоящее место именно в болоте, и мы готовы оказать вам посильное содействие к *вашему* переселению туда. Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за нас и не пачкайте великого слова свобода, потому что мы ведь тоже «свободны» идти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту!»

Ленин полностью разгромил теорию оппортунистов. Тем, кто твердил о необходимости «приспособиться к существующему миру», он отвечал: «Нет, нужно изменить его!» Блестяще полемизируя со своими противниками, он показал, что без революционной теории стихийное рабочее движение неизбежно скатится в болото ограниченного, бесперспективного кустарнического «экономизма».

Книга «Что делать?» сразу же оказала сильное влияние и в большой мере способствовала тому, что русское рабочее движение встало на путь, совершенно отличный от того, который привел бы его к тред-юнионизму английского образца.

«Везде оперирую, — писал один из корреспондентов «Искры», — ленинским плугом, как самым лучшим, производительным возделывателем почвы. Он прекрасно сдирает кору рутины, разрыхляет почву, обещающую произвесть злаки».

Читатель, который в наши дни открывает «Что делать?», сразу ощущает горячее дыхание этой беспрепятственно издаваемой книги, которая все более глубоко изучается теми, кто ищет ответа на вопросы, выдвигаемые рабочим движением.

Почва была подготовлена, и почти повсюду в России революционеры заговорили о необходимости созыва съезда для создания подлинной партийной организации, так как I съезд 1898 года, в котором участвовало всего 9 человек, не смог выполнить эту задачу.

Вскоре завязались дебаты о подготовке съезда. В ноябре 1902 года Ленин, приехав на короткий срок в Швейцарию, выступил с рефератом-критикой программы и тактики эсеров перед эмигрантами Лозанны, Женевы, Берна и Цюриха. Благодаря программе, подготовленной Лениным, закалявшейся в этой борьбе партии с самого же начала предстояло стать организацией, в корне отличной от других секций погрязшего в оппортунизме II Интернационала.

23, 24, 25 и 26 февраля 1903 года Ленин выступал в Париже с лекциями о марксизме в Высшей школе общественных наук (основанной русскими учеными-эмигрантами). Вечером 25 февраля в зале на улице Шуази он сделал для членов партийной группы «Искры» доклад об аграрной программе социал-демократов.

В этой обстановке предсъездовской дискуссии Ленин, покинув Лондон, где он пробыл некоторое время после Германии, снова приехал к концу апреля 1903 года в Женеву, на этот раз на более длительный срок.

ГЛАВА V

В ПЕРЕДИ

Домик в женевском предместье.— «Какая прекрасная вещь — наш съезд!» — В Альпах.— Новая газета.

Май 1903 года. Воздух Женевы напоен весной. По одной из улиц рабочего предместья Сешерон идут двое — мужчина и женщина. В руках у них по чемодану. За ними следует человек, толкающий перед собой нагруженную ящиками тележку. У небольшого дома мужчина ставит чемодан на землю. Поискав в кармане ключ, он открывает калитку и проходит в палисадник. Его спутница оглядывается по сторонам. Кругом скромные домики, тесно прижавшиеся друг к другу (чтобы не пропало ни клочка земли). За ними видно Лозаннское шоссе, по другой стороне которого стоят громадные деревья, покрытые свежей листвой.

— Вот и пришли,— говорит человек с тележкой улыбающейся ему женщине.

Ленин и Крупская прибыли в Швейцарию еще в конце апреля, но в течение двух недель заболевший Владимир Ильич вынужден был отлеживаться у одного из своих товарищей и только сейчас смог снять этот домик по улице Фуайэ, № 10. Домик состоит из большой кухни внизу и трех маленьких комнат на втором этаже. Кухня одновременно служила гостиной, и гости обычно располагались на ящиках, в которых Ленин привез сюда книги и кое-какие вещи.

С начала июня из России начали съезжаться многочисленные делегаты съезда. Прибыв в Женеву, они направлялись прямо к домику Ленина. Для разговоров с глазу на глаз можно было уйти на берег озера или в сквер в нескольких шагах от дома, в конце улицы Фуайэ.

По вечерам делегаты часто собирались в ресторане «Ландольд» в университетском квартале.

Вот что рассказывает саратовский делегат о своем прибытии в Женеву и о встрече с Лениным: «Дорога вела вдоль Женевского озера. Я встретил Ильича по дороге. Почему-то я сразу подумал, что это он. Спросил его, как мне пройти к такому-то дому. «Вы ко мне? — ответил он. — Я — Ленин».

И Ленин сразу же засыпал вновь прибывшего вопросами:

«Как работа в комитетах? Каково настроение рабочих? О чем думают крестьяне?»

Задавая вопросы, — добавлял делегат, — он заметно для меня подверг меня самому подробному экзамену. Делал все это он так тактично, что я и не заметил, как рассказал ему всю подноготную».

Другой делегат так излагал свои впечатления:

«Мы все больше восхищались ленинским чутьем реальной жизни, его знаниями и особенно его исключительным талантом излагать свою точку зрения. Иногда Ленин предлагал нам пройтись с ним и откровенно поболтать обо всем. Каждый раз мы расставались с ним под все более и более сильным впечатлением, хотя он никогда не пытался навязать нам свои мысли. Он никогда не оскорблял людей, думавших иначе, чем он. Он всегда разговаривал с ними, как с товарищами, высказываясь откровенно по любому поднятому вопросу».

Поскольку власти не допустили бы съезда в Швейцарии, было решено собраться в Бельгии. II съезд Российской социал-демократической рабочей партии открылся в Брюсселе 30 июля 1903 года, однако из-за трудностей, чинимых бельгийской полицией, делегатам пришлось перебраться в Лондон, где съезд продолжался до 23 августа.

Вот как описывал Ленин обстановку этого продолжительного съезда, вспоминая свой разговор с одним из делегатов «центра».

«Какая тяжелая атмосфера царит у нас на съезде!» — жаловался он мне. — «Эта ожесточенная борьба, эта агитация друг против друга, эта резкая полемика, это нетоварищеское отношение!..» «Какая прекрасная вещь — наш съезд!» — отвечал я ему. — «Откры-

SOCIÉTÉ DE LECTURE
Grand'Rue, 11, Genève

Est présenté pour devenir membre effectif de la Société.

Monsieur, (nom et prénom) Vladimir Oulianoff

date de la naissance 1870

domicile 3 Rue David Dufour 3. Genève

profession Publiciste

origine Russie

Il est présenté par Messieurs:
Paul Bismarkoff
Armand Messiaen

Genève, le 12 Décembre 1904

Le Président
Paul Rivon

Справка о зачислении Ленина в женевское «Сосьете де лектюр» («Общество чтения»).

тая, свободная борьба. Мнения высказаны. Оттенки обрисовались. Группы наметились. Руки подняты. Решение принято. Этап пройден. Вперед! — вот это я понимаю. Это — жизнь. Это — не то, что бесконечные, нудные интеллигентские словопрения, которые кончаются не потому, что люди решили вопрос, а просто потому, что устали говорить...»

Товарищ из «центра» смотрел на меня недоумевающими глазами и пожимал плечами. Мы говорили на разных языках».

Следуя совету Ленина, съезд принял программу и устав и создал социалистическую партию. В то же время он вскрыл наличие серьезных организационных разногласий, разделивших партию на две группы: на большевиков, отстаивавших организационные принципы революционной социал-демократии, и меньшевиков, скатившихся в болото организационной расплывчатости, в болото оппортунизма.

После съезда разногласия между большевиками, которые стремились, как говорил Ленин, к тому, чтобы «поднять звание и значение члена партии выше, выше и выше», и меньшевиками, желавшими построить партию по образцу прогнивших организаций II Интернационала, не только не уменьшились, а, напротив, еще более углубились.

С 26 по 31 октября в Женеве происходил съезд «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии», в которую входили в основном неустойчивые элементы и меньшевики.

На съезде лиги Ленину пришлось выдержать яростную борьбу с Мартовым, Троцким и другими оппортунистами, которые, потеряв всякий контроль над своими нервами, обрушились на него с оскорбительными нападениями. Большевики были вынуждены покинуть съезд, и представитель ЦК объявил незаконным дальнейшее его заседания. Однако Плеханов, не выдержав обструкции, устроенной меньшевиками, заявил, что не чувствует в себе силы «стрелять по своим», и потребовал в нарушение решений II съезда, чтобы в состав редакции «Искры» были включены старые редакторы-меньшевики. В связи с этим 1 ноября Ленин вышел из редакции с тем, чтобы укрепить революционные позиции в ЦК партии. Плеханов кооптировал в редакцию меньшевистскую

четверку, которая была отвергнута II съездом, и с ноября 1903 года стала выходить новая «Искра», сразу же выступившая с пропагандой организационной расплывчатости.

Свыше года Ленин оставался без газеты, но это отнюдь не прервало его связи с организациями и работниками партии. Он продолжал руководить их работой, посылая из Женевы до 300 писем в месяц тем, кто вел повседневную борьбу на местах.

Получил письмо от Ленина из Женевы и Сталин, который был арестован в апреле 1902 года и по этапу выслан на три года в Восточную Сибирь, куда он прибыл в начале декабря 1903 года.

«Впервые я познакомился с Лениным, — говорил Сталин, — в 1903 году. Правда, это знакомство было не личное, а заочное, в порядке переписки. Но оно оставило во мне неизгладимое впечатление, которое не покидало меня за все время моей работы в партии. Я находился тогда в Сибири в ссылке... Письмецо Ленина было сравнительно небольшое, но оно давало смелую, бесстрашную критику практики нашей партии и замечательно ясное и сжатое изложение всего плана работы партии на ближайший период. Только Ленин умел писать о самых запутанных вещах так просто и ясно, сжато и смело, — когда каждая фраза не говорит, а стреляет».

Раз в неделю большевики собирались у Ленина, но не на собрания, а просто дружески поспорить и попеть, чтобы рассеять тяжелую атмосферу эмиграции. Ленин любил слушать, как пели народные песни бежавшая из сибирской ссылки молодая женщина по кличке «Зверка» и высокий лысый рабочий Егор.

Однажды Егор, надев накрахмаленный воротничок, отправился к Плеханову, чтобы сказать ему все, что он думает о его примиренческом отношении к меньшевикам. Вернулся он совершенно разочарованным.

— Не унывай, Егор, давай лучше споем, все равно наша возьмет, — утешала его «Зверка».

Ленину была по душе эта бодрость, от которой веяло родной Россией.

Время от времени приезжали новые эмигранты. Однажды из Петербурга приехал товарищ «Барон», который с апломбом заявил Ленину:

— У нас теперь организация строится на коллективных началах, работают отдельные коллективы: коллектив пропагандистов, коллектив агитаторов, коллектив организаторов. Владимир Ильич слушал.

— Сколько человек у вас в коллективе пропагандистов? — спросил он.

«Барон» несколько смущенно ответил: — «Пока я один».

— Маловато, — заметил Ильич. — А в коллективе агитаторов?

Покраснев до ушей, «Барон» отвечал: «Пока я один».

Ленин засмеялся своим заразительным смехом, смеялся и «Барон», понявший, что за красивыми фразами Ленин всегда умеет распознать действительную суть дела.

Общение с помощью писем казалось Ленину уже недостаточным, и первые месяцы 1904 года он работает над книгой «Шаг вперед, два шага назад», в которой подробно излагает историю II съезда партии, разъясняет суть разногласий между большевиками и меньшевиками, намечает задачи на будущее. Книга вышла в свет в Женеве 19 мая того же года.

22 марта на собрании русских социал-демократов в Женеве Ленин сделал доклад о Парижской коммуне.

Спустя четыре дня, также в Женеве, он произнес вступительную речь на митинге, посвященном годовщине Парижской коммуны¹.

Сохраняя тесный контакт с массами, Ленин продолжал составлять листовки. Вот что говорилось в листовке, написанной к 1 мая 1904 года и распространявшейся большевиками в России среди рабочих у заводских ворот:

«Старая Россия умирает. На ее место идет свободная Россия. Темные силы, которые охраняли царское самодержавие, гибнут. Но только сознательный, только организованный пролетариат в состоянии нанести смертельный удар этим темным силам. Только сознательный

¹ Эти собрания состоялись в зале Хандверк, по улице Вье-Бияр, и в Народном доме, по улице Бернар-Дюссо. Выступая перед своими соотечественниками, Ленин, разумеется, говорил по-русски. Однако на интернациональных митингах, где выступали также другие ораторы, ему приходилось говорить на немецком и на французском языках.

и организованный пролетариат в состоянии отвоевать народу настоящую, не поддельную свободу. Только сознательный и организованный пролетариат в состоянии дать отпор всякой попытке обмануть народ, урезать его права, сделать его простым орудием в руках буржуазии».

В июне Ленин собирает группу большевиков на совещание в одном из женевских пригородов: дела в партии принимали плохой оборот, меньшевикам удалось захватить большинство даже в ЦК.

В начале августа 22 большевика, собравшись в Женеве по инициативе Ленина, обратились с горячим призывом к партии, требуя созыва III съезда.

В этот период Ленин остро нуждался в отдыхе, и товарищи уговаривали его устроить себе отпуск.

Н. К. Крупская рассказывает в своих воспоминаниях:

«Пробродяжничали мы месяц: сегодня не знали, где будем завтра, вечером, страшно усталые, бросались в постель и моментально засыпали.

Деньжат у нас было в обрез, и мы питались больше всухоматку — сыром и яйцами, запивая вином да водой из ключей, а обеды лишь изредка. В одном социал-демократическом трактирчике один рабочий посоветовал: «Вы обедайте не с туристами, а с кучерами, шоферами, чернорабочими: там вдвое дешевле и сытнее». Мы так и стали делать. Тянувшийся за буржуазией мелкий чиновник, лавочник и т. п. скорее готов отказаться от прогулки, чем сесть за один стол с прислугой. Это мешанство процветает в Европе всюю. Там много говорят о демократии, но сесть за один стол с прислугой не у себя дома, а в шикарном отеле — это выше сил всякого выбивающегося в люди мещанина. И Владимир Ильич с особенным удовольствием шел обедать в застольную, ел там с особым аппетитом и усердно похваливал дешевый и сытный обед. А потом мы одевали наши мешки и шли дальше. Мешки были тяжеловаты: в мешке Владимира Ильича уложен был тяжелый французский словарь, которую я только что получила для перевода. Однако ни словарь, ни книга ни разу даже не открывались за время нашего путешествия; не в словарь смотрели мы, а на покрытые вечным снегом горы, синие озера, дикие водопады».

После этого Владимир Ильич и Надежда Константиновна провели несколько дней в компании своих соотечественников на берегу маленького озера Лак де Бре в кантоне Во.

Возвратившись в Женеву, Ленин поселился в небольшой квартире в доме № 3 по улице Давид-Дюфур, чтобы быть ближе к центру города. Работал он теперь в библиотеке женевского «Сосьете де лектюр» («Общество чтения») на Гран Рю в старом городе, где он читал газеты и журналы, без всяких формальностей пользуясь многочисленными книгами и мог, никого не стесняя, в спокойной обстановке заниматься так, как он привык: расхаживая взад-вперед, бормоча про себя фразы, прежде чем записать их. Членом «Сосьете де лектюр» Ленин состоял с 13 декабря 1904 года по 16 декабря 1908 года.

2 декабря Ленин выступил в Женеве с рефератом «Земская кампания и план «Искры»». В конце месяца он опубликовал брошюру по этому же вопросу. В этот период в издательстве, основанном в Женеве большевиками, было выпущено несколько ленинских брошюр.

В начале декабря Ленин выступил в Берне и Париже с рефератом о внутривнутрипартийном положении.

Начавшаяся русско-японская война выявила всю слабость самодержавия. Время торопило, и большевики приняли решение создать свою газету. Последние недели года ушли на изыскание средств и на подготовку к ее выпуску. С величайшими жертвами им удалось организовать небольшой наборный цех в доме № 6 по Кэ дю Шваль Блан, на берегу реки Арв, в пригороде Каруж. Газету набирали русские — трое наборщиков, один метранпаж и один корректор. Поскольку типографского прессы не было, набор приходилось перевозить на лошади через весь город на улицу Кулувренье, 27, недалеко от Роны, в «Рабочую типографию», владелец которой, женевский житель Зельнер, согласился печатать газету на условиях кредита. Напечатанную на папиросной бумаге газету предстояло затем нелегально переправлять в Россию¹.

¹ В некоторых источниках упоминается, что в 1903 году большевики организовали свою типографию в подвале дома № 9 на улице Каролин,

Сформировав редакцию, Ленин отправил в Россию много писем рабочим, прося их присылать в газету материалы и поддерживать ее всеми средствами, чтобы сделать из нее подлинно боевой орган.

Окончательное решение о выпуске газеты «Вперед» было принято 12 декабря 1904 года на собрании женевских большевиков под председательством Ленина.

Это решение было принято с радостью. «Всей гурьбой отправились в кафе,— пишет один из участников собрания.— Пили пиво, пели песни». 12 декабря? Да ведь это «День Эскалады», когда женевцы отмечают бегство войск герцога Савойского, которые в эту ночь в 1602 году попытались приступом взять Женеву. На улицах шумел многолюдный карнавал. Выстроившись гуськом, Ленин и его друзья включились в общее веселье. «Когда видели парочку в масках,— рассказывает один из товарищей Ленина,— мы окружали их и не выпускали до тех пор, пока не заставляли поцеловаться. Всю ночь мы провели на улице, веселились, как дети. А Ленин! Как он смеялся, каким заразительным весельем звенел его смех».

Ленин с подъемом писал товарищам в Россию:

«Все большинство ликует и ободрено, как никогда. Наконец-то порвали эту поганую склоку и заработаем дружно вместе с теми, кто хочет работать, а не скандалить!.. Ура! Не падайте духом, теперь мы все оживаем и оживем».

Между тем положение оставалось непрочным. Крупская даже пишет Литвинову: «Нужно сказать, что обстановка архитрудная. Пока нет денег, а без денег страшно тяжело. Меньшевики повсюду пролезли, повсюду маневрируют, а наши — один тянет в одну сторону, другой — в другую. Начали в кредит газету, но надежды не теряем».

«Всякий кризис одних надламывает, других закаляет», — говорил тогда Ленин.

4 января 1905 года вышел первый номер газеты «Вперед». Газета звала вперед, к революции. События подтверждали гениальное предвидение Ленина, который уже в первом номере газеты говорил о «начавшейся у нас в России революции», а в номере от 14 января писал: «Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма».

ВОСЬМИЧАСОВОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ
И ОРУЖИЕ!

*Кровавое воскресенье и эмигранты с улицы Каруж.—
Митинги солидарности в Женеве и Лозанне.—«Пролетарий».*

В первых числах января 1905 года рабочие бакинских нефтепромыслов успешно завершили длительную забастовку и вынудили нефтепромышленников подписать первый в истории русского рабочего движения коллективный договор.

Это была молния перед грозой, сигнал к началу выступлений по всей России.

В понедельник 23 января Ленин и Крупская с утра направились на улицу Гран Рю, чтобы поработать в «Сосьете де лектюр», и по пути встретили шедших к ним Луначарских. Жена Луначарского была настолько взволнована, что не могла говорить и лишь беспомощно размахивала муфтой. И было от чего: газета «Ля Сюисс» сообщала под крупным заголовком: «РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ».

Все четверо поспешили за новостями на улицу Каруж, или «Каружку», как ее называли эмигранты. В русской эмигрантской столовой уже собралось много народу. Столовую содержали большевики супруги Лепешинские. Ольга Лепешинская только что бегом вернулась с рынка с газетой в руках. Она раскрыла перед Лениным и его товарищами свежий номер «Трибунки», как называли здесь газету «Трибюн де Женев».

От прочитанного в газете у них перехватило дыхание. «Волнения в Санкт-Петербурге».

Священник Гапон и царь. Санкт-Петербург, 21 января.

Священник Гапон в письме к императору настойчиво просит его принять петицию, которую рабочие собираются ему вручить в воскресенье в два часа дня».

В письме Гапона говорилось:

«Государь, не думай, что твои министры сказали тебе всю правду о современном положении. Весь народ верит в тебя; он решил явиться завтра в 2 часа к Зимнему дворцу, чтобы представить тебе свои нужды».

Если, в нерешимости, ты не покажешься народу, ты порвешь нравственную связь, существующую между тобой и твоим народом.

Доверие, которое он питает к тебе, исчезнет. И на этом месте между тобой и народом прольется невинная кровь. Явись завтра перед твоим народом и прими с открытой душой нашу смиренную петицию».

Я, представитель рабочих, и мои мужественные товарищи — мы гарантируем неприкосновенность твоей личности».

«Санкт-Петербург, 22 января. К 10 часам около 15 тысяч рабочих вышли из мастерских и направились к центру города, но были остановлены преградившими им дорогу двумя казачьими сотнями, выстроенными по пять всадников в ряд. После того как казаки дали три холостых залпа, часть толпы побежала в сторону скованной льдом Невы. Другая часть осталась на месте. Командир казаков немедленно потребовал подкреплений и приказал зарядить винтовки. Дав еще несколько холостых залпов, казаки пустили в ход свои нагайки».

Вооруженная саблями кавалерия разгоняет 9-тысячную толпу. Имеются раненые.

В 2 часа огромная толпа устремилась к Зимнему дворцу. Ее встретили залпами, в результате чего оказалось 150 убитых и много раненых.

В 2 часа 30 минут Дворцовая площадь очищена, и войска преследуют бунтовщиков».

В следующих выпусках газет сообщалось:

«От 1000 до 1500 убитых...»

«В 2 часа 50 минут ночи. Стрельба продолжается. Войска, по-видимому, потеряли голову. Повсюду солдаты, расположившиеся вокруг огромных костров. 17 градусов мороза. На Васильевском острове свет костров, разведенных стачечниками, освещает баррикады».

На какое-то мгновение в столовой Лепешинских все умолкло, а потом приглушенно зазвучала старая революционная песня «Вы жертвою пали».

Получив за последние месяцы много писем от рабо-

чих, Ленин знал о настроении народа. Он понимал, что Кровавое воскресенье возвестило начало первой революции после долгих лет реакции.

Ленин быстро написал статью для очередного номера «Вперед», закончив ее словами:

«На пролетариат всей России смотрит теперь с лихорадочным нетерпением пролетариат всего мира. Низвержение царизма в России, геройски начатое нашим рабочим классом, будет поворотным пунктом в истории всех стран, облегчением дела всех рабочих всех наций, во всех государствах, во всех концах земного шара. И пусть каждый социал-демократ, пусть каждый сознательный рабочий помнит о том, какие величайшие задачи всенародной борьбы лежат теперь на его плечах. Пусть не забывает, что он представляет нужды и интересы и всего крестьянства, всей массы трудящихся и эксплуатируемых, всего народа против общенародного врага. У всех перед глазами стоит теперь пример героев-пролетариев Петербурга.

Да здравствует революция!

Да здравствует восставший пролетариат!»

Вечером состоялось первое собрание, о котором на следующий день «Трибуна» сообщала:

«Русские в Женеве. Вчера в зале Хандверк состоялся многолюдный митинг русских социалистов и социалистов-революционеров. Речь шла главным образом о воскресных событиях в Санкт-Петербурге.

Многочисленные ораторы приветствовали забастовщиков и протестовали против действий полиции.

Один из выступивших предложил выразить солидарность присутствующих с участниками движения...

Полиция охраняла все подходы к залу, где происходил митинг, и здание русского консульства на улице Бонивар».

В разделе «В последний час» газета добавляла: «Митинг русских в зале Хандверк окончился, по-видимому, к 11 часам. После этого началось хождение из зала на улицу и обратно. Было ясно, что готовится демонстрация... Многолюдное шествие в основном происходило на Пленпале. Пение «Интернационала» не прекращалось до часа ночи».

В эти дни эмиграция стала для Ленина особенно невыносимой. Ему было тяжело находиться вдали от своего народа.

«Понятно,— писал он,— что нам здесь, в Женеве, из нашего проклятого далека становится неизмеримо труднее поспевать за событиями. Но, пока мы осуждены еще томиться в этом проклятом далеке, мы должны стараться поспевать за ними, подводить итоги, делать выводы, почерпать из опыта сегодняшней истории уроки, которые пригодятся завтра, в другом месте, где сегодня еще «безмолвствует народ» и где в ближайшем будущем в той или иной форме вспыхнет революционный пожар».

26 января Ленин выступил с анализом событий Кровавого воскресенья на собрании большевиков в Женеве.

27 января в «Журналь де Женев» было опубликовано сообщение, показывавшее, какой отклик нашли в швейцарском рабочем классе события в России: в среду вечером в Тиволи состоялся большой митинг протеста по поводу событий в России, организованный лозаннской социалистической партией. Выступило много ораторов. На митинге присутствовало около 1600 человек.

В том же номере «Журналь де Женев» было помещено осторожное заявление Плеханова.

«Неверно,— заявил Плеханов сотруднику газеты жевевских банкиров,— что руководство революционной пропагандой осуществляется из Женевы и Цюриха, как полагает царская полиция. Мы лишь содействуем пропаганде в стране, переправляя в Россию небольшие брошюры».

Что касается Ленина, то у него было слишком много других забот, чтобы выступать с заявлениями в «Журналь де Женев»: он переправлял в Россию оружие— как идеологическое, так и военное.

Во всех статьях, опубликованных им в эти дни в газете «Вперед», он указывает партийным организациям, каким образом следует продолжать борьбу, спланировать и вооружать рабочий класс, как «разрушить стену между словами и делами».

Ему было известно, что большевики участвовали в шествии Гапона и что они включили некоторые свои требования в наивную петицию царю, полный текст которой к тому времени был уже им получен.

«Мы, рабочие, жители Петербурга, пришли к Тебе. Мы — несчастные, поруганные рабы, мы задавлены деспотизмом и произволом. Когда переполнилась чаша терпения, мы прекратили работу и просили наших хозяев дать нам лишь только то, без чего жизнь является мучением.

Но все это было отвергнуто, все показалось фабрикантам незаконным. Мы здесь, многие тысячи, как и весь русский народ, не имеем никаких человеческих прав. Благодаря твоим чиновникам, мы стали рабами».

В петиции выдвигались требования амнистии, повышения заработной платы, постепенной передачи земли народу и созыва Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего избирательного права. Она заканчивалась следующими словами:

«Государь! Не откажи в помощи Твоему народу! Разрушь стену между Тобой и Твоим народом! Повели и поклянись, чтобы исполнились наши просьбы, и Ты сделаешь Россию счастливой; если нет, тогда мы готовы умереть тут же. У нас только два пути: свобода и счастье или могила».

Теперь Ленин знал, что в день Кровавого воскресенья рабочие социал-демократы Васильевского острова захватили типографию и выпустили листовку, призывавшую трудящихся вооружаться.

Каждое утро Ленин «в подвернутых от грязи на швейцарский манер дешевеньких брюках», как пишет Крупская, приходил в «Сосьете де лектур». Там он переводил мемуары генерала Парижской коммуны Ключере о тактике баррикадных и уличных боев, а также перечитывал работы Карла Маркса и Фридриха Энгельса по военным вопросам.

Были у него и другие заботы.

2 февраля в редакцию «Вперед» на имя Ленина пришло письмо от старейшины Швейцарской социалистической партии Германа Грейлиха, в котором выражалось сожаление по поводу раскола между большевиками и меньшевиками и говорилось: «Я не хочу судить о том, кто несет большую ответственность за этот раскол. Я предложил руководству германской социал-демократии разрешить этот вопрос международным путем».

На следующий день Ленин получил письмо от вождя германской социал-демократии Августа Бебеля, предожившего третейское разбирательство конфликта между большевиками и меньшевиками.

3 февраля Ленин ответил Грейлиху длинным письмом, излагавшим причины и ход раскола. В то же время в другом документе большевики подчеркивали, что речь идет не о личных или «групповых» расхождениях, а о принципиальном конфликте идей. Только предстоящий

ADRESSE	Pièce ou Recommendation présentée	SIGNATURE
Personnel 6	Comme	Alice Dupont
10 Rue de la République	Carte de l'Institut Russe	Marie Dubouché
11 Rue de la République	" d'habitant	Antoine Rosseton
12 Rue de la République	" " "	Alphonse Schmitt
13 Rue de la République	Carte d'origine	Al. Guillouard
14 Rue de la République	Permis d'habitant	Pauline
15 Rue de la République	Carte d'habitant	Wassiloff
16 Rue de la République	Permis d'habitant	André Garnier
17 Rue de la République	Carte d'habitant	A. Siffert
18 Rue de la République	Comme	J. Siffert
19 Rue de la République	Carte d'habitant	A. Siffert
20 Rue de la République	Carte d'habitant	S. Siffert
21 Rue de la République	Comme	S. Siffert
22 Rue de la République	Comme	S. Siffert
23 Rue de la République	Comme	S. Siffert
24 Rue de la République	Comme	S. Siffert
25 Rue de la République	Comme	S. Siffert
26 Rue de la République	Comme	S. Siffert
27 Rue de la République	Comme	S. Siffert
28 Rue de la République	Comme	S. Siffert
29 Rue de la République	Comme	S. Siffert
30 Rue de la République	Comme	S. Siffert

Страница списка читателей Публичной Университетской библиотеки в Женеве. Подпись Ленина — вторая строка снизу.

съезд партии может принять решение по этому вопросу, писал Ленин в своем ответе Бебелю 7 февраля.

Между тем в Женеву приехал поп Гапон. Ленин подозревал в нем провокатора, но не хотел заранее ничего предрешать. Ведь Гапон — это человек, возглавивший шествие петербургских рабочих, которые пошли за ним. И Ленин согласился встретиться с ним на «нейтральной» почве, в кафе. После этой встречи Ленин, описав фанатизм Гапона, добавил:

«Только учиться ему надо. Я ему сказал: «Вы, батенька, лести не слушайте, учитесь, а то вон где очутились», — показал ему под стол».

Но Гапон не умел учиться. Книги ему докучали и даже уроки жизни не шли ему впрок. Он бездельничал, упражнялся в стрельбе из пистолета и в верховой езде и писал сенсационные статьи, щедро оплачиваемые английской прессой.

В феврале 1905 года Ленин составил проект важнейших резолюций съезда партии, созыв которого он всячески стремился ускорить.

8 марта в № 9 газеты «Вперед» он поместил статью «Новые задачи и новые силы», в которой сформулировал стратегический лозунг большевиков в буржуазно-демократической революции: установление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Статья резко критиковала косность тех партийных работников, которые цеплялись за старые формы работы, и призывала партийные организации выдвигать новые, молодые кадры, у которых энергия и энтузиазм могут возместить недостаток опыта.

2 апреля Одесский комитет партии избрал Ленина своим делегатом на III съезд.

В середине апреля 1905 года Ленин выехал в Лондон, где 25-го числа открылся III съезд РСДРП. Боясь оказаться в положении, когда им пришлось бы подчиниться большинству, меньшевики не явились на съезд и созвали в это же время конференцию в Женеве.

Ленин председательствовал на съезде и принимал активнейшее участие в его работе. Им были выработаны основные резолюции съезда.

Съезд избрал новый ЦК во главе с Лениным, Ленин был также утвержден ответственным редактором «Пролетария» — нового центрального органа партии.

Как и после II съезда, делегаты посетили могилу Маркса.

15 мая Ленин выехал из Лондона в Женеву.

В первом номере «Пролетария», который вышел в Женеве 27 мая, был опубликован первый отчет Ленина о III съезде, изданный позднее отдельной брошюрой на нескольких языках¹.

В мае Ленин выступил в Женеве с двумя докладами о III съезде: перед большевиками, отъезжавшими в Рос-

¹ По некоторым сведениям, в этот период Ленин организовал маленькую типографию в доме № 6 на набережной Шваль Блан,

сию, чтобы проинформировать о съезде первичные организации, и перед более широкой аудиторией, на публичном диспуте.

2 июня Ленин официально информировал Международное социалистическое бюро о состоявшемся съезде, а также о том, что Центральный Комитет в ближайшее время назначит своего представителя в Бюро.

В июне — июле 1905 года Ленин работал над книгой «Две тактики социал-демократии в демократической революции», в которой провел сравнение между III съездом партии и Женевской конференцией меньшевиков. Ленин показал, что большевики дают ясную перспективу рабочему классу: довести до конца буржуазно-демократическую революцию под руководством единственно последовательного революционного класса — пролетариата. Меньшевики же считают, что русский рабочий класс должен уступить политическое руководство демократической революцией либеральной буржуазии и ограничиться защитой своих экономических интересов.

Вслед за волной рабочих забастовок всколыхнулись крестьяне, начавшие поджигать помещичьи усадьбы, начались волнения среди солдат и матросов.

27 июня матросы черноморского броненосца «Потемкин» овладели кораблем и разоружили офицеров. Ленин организовал немедленную помощь матросам восставшего «Потемкина». 4 июля он обратился к Международному социалистическому бюро с просьбой направить всем странам мира воззвание с протестом против действий царского правительства. Он срочно послал из Женевы в Одессу уполномоченного, который должен был установить связь с большевистским комитетом порта и матросами, посоветовать повстанцам высадиться на берег, вооружить рабочих города и предложить местным крестьянам свою помощь в деле захвата помещичьих земель.

Каждую неделю в «Пролетарии» печатались статьи Ленина с анализом хода революции. Ленин руководил партийной работой во всех областях.

Летом 1905 года Ленин выдвинул лозунг о вооруженном восстании и о создании революционной армии и временного революционного правительства.

Руководящие партийные работники постоянно приезжали в Швейцарию, чтобы посоветоваться с Лениным, и затем опять возвращались в Россию.

Забываясь о единстве рабочего движения, Ленин продолжал все это время переписку с Международным социалистическим бюро о возможности переговоров с меньшевистской группой.

В октябре в России разразилась всеобщая политическая стачка. На заводах рабочие избирали своих представителей в Советы рабочих депутатов, которые в ряде городов выполняли функции революционного правительства.

Ленин писал:

«Хорошая у нас в России революция, ей-богу! Надемся скоро вернуться — к этому идет дело с поразительной быстротой».

В конце октября он уехал из Женевы в Стокгольм, куда ему должны были доставить необходимые документы. 20—21 ноября, после пяти лет эмиграции, он, наконец, прибыл в Петербург, где происходят рабочие демонстрации под лозунгом «Восьмичасовой рабочий день и оружие».

Только 7 декабря в женевской полиции был зарегистрирован отъезд Ленина «в Берлин». А Ленин был уже в самом центре революционной борьбы. Он приступил к подготовке первой конференции большевиков России, которая состоялась в Таммерфорсе (Финляндия).

Революция приближалась к своей высшей точке. В конце декабря в Москве началось вооруженное восстание. В течение девяти дней 8 тысяч рабочих героически сражались с оставшимися верными царскому правительству войсками. Восстание было подавлено. Революционная волна пошла на убыль.

Наступление кончилось, и Ленин учил рабочих правильно и организованно отступать. Он учил партию отступать организованно, собирая силы для того, чтобы в подходящий момент снова перейти в наступление.

В апреле 1906 года на IV съезде партии в Стокгольме Ленин вел борьбу с меньшевиками, на этот раз оказавшимися в большинстве в связи с потерями, понесенными большевистскими организациями во время репрессий. «Только не хныкать», — призывал Ленин некоторых приунывших делегатов. Большевики, говорил он, наверняка победят, ибо они правы.

В апреле — мае 1907 года в Лондоне состоялся V съезд РСДРП. На этот раз Ленин нанес меньшевикам и центрристской группе Троцкого тяжелое поражение.

«Помнится, — пишет Сталин, — как Ленин настойчиво внушал тогда делегатам: «Первое дело — не увлекаться победой и не кичиться; второе дело — закрепить за собой победу; третье — добить противника, ибо он только побит, но далеко еще не добит»».

Возвратившись в Петербург, Ленин продолжал работу в тяжелых условиях подполья. В августе 1907 года он снова уехал за границу, в Штутгарт, на Международный социалистический конгресс, где активно участвовал в борьбе с оппортунистами, в особенности с немецкими, которые, выступая на словах против милитаризма, не давали никаких перспектив рабочему классу, поднявшемуся на борьбу против угрозы войны. С этого времени Ленин становится представителем партии в Бюро социалистического Интернационала.

Затем Ленин вернулся в Финляндию, но там на его след напали царские ищейки. В декабре, скрываясь от них, он был вынужден пойти по льду к одному из островов, чтобы там сесть на пароход. Лед трещал у него под ногами, и позднее Ленин вспоминал, как он тогда подумал: «Эх, как глупо приходится погибать!»

Но нужно было уезжать — иного выхода не было. Нужно было наладить за границей выпуск центрального органа партии, газеты «Пролетарий», нужно было готовить будущее.

ТВЕРДОКАМЕННЫЙ

«Точно в гробу». — Горький и газетная контрабанда. — «Пролетарий» снова выходит в свет. — «Я тоже «ищущий»».

Вечером 7 января 1908 года Ленин вернулся в Женеву. Ехал он с документами финского повара, а его жена с паспортом американской гражданки. «Неприятно выглядела Женева. Не было ни снежинки, но дул холодный резкий ветер — биза. Продавались открытки с изображением замерзшей налему воды около решеток набережной Женевского озера. Город выглядел мертвым, пустынным». Ленин поспешил на улицу Юго де Зенг, в русскую библиотеку, которой заведовал его товарищ Карпинский. Карпинский был болен, нервничал.

«У меня такое чувство, точно в гроб ложиться сюда приехал», — обронил Ленин на обратном пути, возвращаясь в свою маленькую, холодную и неудобную меблированную комнату, которую он снял у некоего Кюпфера на улице Де Пон, № 17, в квартале часовщиков.

«Грустно, чорт побери, снова вернуться в проклятую Женеву, да ничего не поделаешь», — писал он.

15 января Ленин писал Горькому:

«Дорогие А. М. и М. Ф.!

Получил сегодня Ваш экспресс. Удивительно соблазнительно, чорт побери, забраться к Вам на Капри! Так Вы это хорошо расписали, что ей-богу соберусь непременно и жену постараюсь с собой вытащить. Только вот насчет срока еще не знаю: теперь нельзя не заняться «Пролетарием» и надо *поставить* его, наладить работу во что бы то ни стало. Это возьмет месяц-другой, *minimum*. А сделать это необходимо. К весне же закатимся пить белое каприйское вино и смотреть Неаполь и болтать с Вами. Я кстати по-итальянски начал учиться и, как учащийся, сразу на-

бросился на написанный Марией Федоровной адрес *espresso* вместо *espresso*! Давать сюда словарь!

Ну, а насчет перевозки «Пролетария» это Вы на свою голову написали. Теперь уже от нас легко не отвертитесь! М. Ф. — не сейчас же кучу поручений приходится дать:

1) найти непременно секретаря союза парходных служащих и рабочих (должен быть такой союз!) на пароходах, поддерживающих сообщение с Россией.

2) Узнать от него, *откуда и куда* ходят пароходы; *как часто*. Чтобы непременно устроил нам *перевозку еженедельно*. Сколько это будет стоить? Человека должен найти нам *аккуратного* (есть ли итальянцы аккуратные?). Необходим ли им адрес в России (скажем в Одессе) для доставки газеты или они могли бы *временно* держать небольшие количества у какого-нибудь итальянского трактирщика в Одессе? Это для нас *крайне важно*.

3) Если невозможно М. Ф. — не самой это все наладить, похлопотать, разыскать, растолковать, проверить и т. д., то пусть непременно свяжет нас непосредственно с этим секретарем: мы уже с ним тогда споемся.

С этим делом надо спешить: как раз через 2—3 недели надеемся выпустить здесь «Пролетарий» и отправить его надо немедленно.

Ну — до свидания на Капри! Смотрите, А. М., будьте здоровы!»

В Женеве Ленин с трудом заново привыкал к эмигрантской жизни. Весь день он работал в библиотеке и только к вечеру возвращался в свою ледяную комнату. Ходил Ленин с женой в театр, в кино, но, пишет Крупская, мы «уходили обычно с половины спектакля бродить куда-нибудь, чаще всего к озеру».

По-видимому, в этот период у Ленина были кое-какие неприятности с женевской полицией по поводу документов, или, вернее, по поводу отсутствия таковых, так как он писал своей сестре 14 февраля:

«Насчет моего *Acte de mariage*¹ беседовал вчера с директором департамента полиции. Оказывается, нужна эта вещь. Предложи какому-либо знакомому адвокату обдумать еще следующий способ добыть копию из Красноярска (ибо насчет «смазки» надежды, верно, невелики). Существует ведь процедура (судебная) обеспечения доку-

¹ Свидетельство о браке. — *Ред.*

зательств. Не может ли Елиз. Вас.¹ обратиться к мировому судье или к соответствующей инстанции в С.-Петербурге и потребовать *резолуции* о выдаче ей *свидетельства* на предмет выдачи копии с метрики о браке из Красноярской духовной консистории (либо для *суда* с дочерью, либо на предмет завещательных распоряжений и т. п.). Нельзя ли *таким путем* вытребовать эту метрику или копию с нее? Посоветуйся с адвокатом...

Р. С. Очень, очень большое спасибо за протоколы 3-ей Думы. Чрезвычайно усиленно прошу высылать *и дальше* и притом почаще и притом вместе с законопроектами и запросами.

Луначарскому, который гостил в то время у Горького, Ленин писал:

«Я именно мечтал о том, чтобы *литературно-критический* отдел сделать в «Пролетарии» постоянным и поручить его А. М — чу. Но я *боялся*, страшно боялся прямо предлагать это, ибо я *не знаю* характера работы (и работосклонности) А. М — ча. Если человек занят серьезной большой работой, если этой работе повредит отрыванье на мелочи, на газету, на публицистику, — тогда было бы глупостью и преступлением мешать ему и отрывать его!»

2 февраля Ленин писал Горькому, который охотно согласился сотрудничать в новой газете:

«Все налажено, на-днях выпускаем анонс. В сотрудничестве ставим Вас. Черкните пару слов, могли ли бы Вы дать что-либо для первых номеров (в духе ли *заметок о мещанстве* из «Новой Жизни» или отрывки из повести, которую пишете...)»

26 февраля в 21-м номере «Пролетария» — первом номере, вышедшем в Женеве со времени революции 1905 года, — была помещена статья Ленина, в которой говорилось:

«Мы умели долгие годы работать перед революцией. Нас недаром прозвали твердокаменными. Социал-демократы сложили пролетарскую партию, которая не падет духом от неудачи первого военного натиска, не потеряет головы, не увлечется авантюрами. Эта партия идет к социализму, не связывая себя и своей судьбы с исходом того или иного периода буржуазных революций. Именно поэтому она свободна и от слабых сторон буржуазных революций. И эта пролетарская партия идет к победе».

¹ Елизавета Васильевна — мать Н. К. Крупской.

«Эти слова, принадлежавшие Владимиру Ильичу, — пишет Крупская, — выражали то, чем он тогда жил. В момент поражения он думал о величайших победах пролетариата. По вечерам, когда мы ходили по набережным Женевского озера, он говорил об этом».

Ленин отмечал, что в своих письмах рабочие говорили: «Погодите, опять придет пятый год». В то же время некоторые большевики из интеллигентов потеряли веру в будущее пролетариата. В идеологическом плане это нашло свое выражение в отходе от материализма, в фальсификации Маркса и в «богоискательстве». Эти интеллигенты изложили свои взгляды в изданном ими сборнике, в связи с чем Ленин писал Горькому 25 февраля:

«Теперь вышли «Очерки философии марксизма». Я прочел все статьи кроме суворовской (ее читаю), и с каждой статьей прямо бесновался от негодования. Нет, это не марксизм! И лезут наши эмпириокритики, эмпириомонисты и эмпириосимволисты в болото. Уверять читателя, что «вера» в реальность внешнего мира есть «мистика» (Базаров), спутывать самым безобразным образом материализм и кантианство (Базаров и Богданов), проповедывать разновидность агностицизма (эмпириокритицизм) и идеализма (эмпириомонизм), — учить рабочих «религиозному атеизму» и «обожанию» высших человеческих потенций (Луначарский), — объявлять мистикой энгельсовское учение о диалектике (Берман), — черпать из вонючего источника каких-то французских «позитивистов» — агностиков или метафизиков, чорт их поберет, с «символической теорией познания» (Юшкевич)! Нет, это уж чересчур. Конечно, мы, рядовые марксисты, люди в философии не начитанные, — но зачем уже так нас обижать, что подобную вещь нам преподносят, как философию марксизма! Я себя дам скорее четвертовать, чем соглашусь участвовать в органе или в коллегии, подобные вещи проповедующей».

18 марта Ленин выступил от имени РСДРП на международном митинге, организованном в Женеве в честь трех великих дат: 25-летия со дня смерти Маркса, 60-летия мартовской революции 1848 года и 37-й годовщины Парижской коммуны. Анализируя значение Парижской коммуны 1871 года, Ленин говорил:

«Восставший против старого режима пролетариат взял на себя две задачи — общенациональную и клас-

совую: освобождение Франции от нашествия Германии и социалистическое освобождение рабочих от капитализма. В таком соединении двух задач — оригинальнейшая черта Коммуны».

Далее Ленин напомнил о декабрьском вооруженном восстании в Москве и закончил полным непоколебимого оптимизма пророчеством:

«Пусть оба эти грандиозные восстания рабочего класса подавлены — будет новое восстание, перед которым слабыми окажутся силы врагов пролетариата, из которого с полной победой выйдет социалистический пролетариат».

24 марта он снова писал Горькому:

«Вы должны понять и поймете, конечно, что раз человек партии пришел к убеждению в сугубой неправильности и *вреде* известной проповеди, то он обязан выступить против нее. Я бы не поднял шума, если бы не убедился безусловно (и в этом убеждаюсь с каждым днем больше по мере ознакомления с первоисточниками мудрости Базарова, Богданова и К⁰), что книга их — нелепая, вредная, филистерская, поповская *вся*, от начала до конца, от ветвей до корня, до Маха и Авенариуса. Плеханов *всцело* прав против них по существу, только не умеет или не хочет или ленится сказать это *конкретно*, обстоятельно, просто, без излишнего запугивания публики философскими тонкостями. И я во что бы то ни стало скажу это *по-своему*».

Вот что Ленин говорил тогда о Троцком, который прикрывал оппортунистов левыми фразами:

«Троцкий повел себя, как подлейший карьерист и фракционер... Болтает о партии, а ведет себя хуже всех прочих фракционеров».

Все это время Ленин был настолько поглощен своей философской работой, что писал Горькому:

«Я еще никогда так не неглижировал своей газетой: читаю по целым дням распроклятых махистов...»

В мае Ленин, наконец, уступил настояниям Горького. И хотя у него не было желания вступать в дискуссию с гостями писателя, смешивавшими научный социализм и религию, он все же провел два дня на Капри.

Вернувшись в Женеву, Ленин мало рассказывал об этой поездке. Он говорил о каприйском вине, о красоте Средиземного моря, но ни словом не упомянул о людях,

с которыми там встречался. И сразу же возобновил занятия философией.

Придуманная Лениным система нелегальной доставки «Пролетария» через Италию в черноморские порты действовала, по-видимому, хорошо. В самом деле, 18 мая 1908 года итальянская социалистическая газета «Аванти» опубликовала следующее сообщение под заголовком «Письмо Максима Горького»:

«Максим Горький обратился с Капри с письмом к редактору «Аванти», который тотчас написал по этому поводу главе правительства. В письме Горького говорится: «Милостивый государь.

Несколько дней тому назад итальянская полиция в Генуе наложила секвестр на две посылки, содержащие русскую социал-демократическую газету «Пролетарий», изданную в Швейцарии, в Женеве.

Газета была адресована господину Йонассону, площадь Комменда, 13, аптека.

«Пролетарий» издается не в России, а в Швейцарии, это — издание совершенно легальное, соблюдающее все требования швейцарского закона. От лица моих русских товарищей — издателей газеты «Пролетарий» — и по их просьбе, я обращаюсь к Вам, как к социалисту и депутату, и прошу Вас — будьте добры информировать меня, чем вызван указанный секвестр, и сообщить всем нам, русским эмигрантам, имеет ли итальянская полиция законное право действовать так, как она действовала в настоящем случае.

До происшествия, о котором я Вам сообщил, отношение итальянского народа и его властей к русским эмигрантам отличалось самой высокой вежливостью; поэтому, желая воздержаться от всяких комментариев, я в то же время позволяю себе обратиться к Вам с живейшей просьбой сообразоваться разъяснить это странное недоразумение.

Примите благосклонно уверение в моем глубочайшем уважении.

Максим Горький».

Несколько дней спустя в «Аванти» был опубликован ответ премьер-министра либерала Джинолитти, усердного читателя Горького, в котором говорилось, что оба ящика с газетами могут быть получены адресатом на таможене.

Находясь в Женеве, Ленин испытывал в это время некоторое беспокойство по поводу своей книги по аграрному вопросу, напечатанной в Москве, в связи с тем, что он не получил ни одного экземпляра этой книги. Одновременно он искал издателя для своего философского труда. Нескольким раз он упоминал об этом в письмах к родным. Изредка он писал о себе, как например в письме к матери от 20 июня:

«Дорогая мамочка! Давно что-то не писал я вам. Кажется, последний раз открытку из Лондона. Приехал я оттуда больным, схватил катар кишок. Теперь поправился, стал есть как следует, чувствую себя после диеты всегда голодным. Взялся за работу.

Живем мы по-старому. Погода стоит до крайности неровная. То жары, духота и грозы. То дожди и холодно, как сегодня. Лето не налаживается.

Как-то вы поживаете в деревне? Надеюсь, Маняша поправилась совсем. Будем ждать ее к нам. Большой привет Мите.

Крепко обнимаю тебя, моя дорогая».

Крупская в это время занималась на курсах, организованных на период летних каникул в Женевском университете для иностранцев-педагогов, готовившихся преподавать французский язык.

По вечерам перед сном Ленин часами читал в постели учебники французской грамматики и книги по истории французского языка, которые изучала его жена. Он считал, что это для него хороший отдых от занятий философией и практической работы.

9 августа Ленин направил сестре открытку с изображением селения Вер-л'Эглиз, в которой писал:

«Посылаю тебе карточку тех мест, откуда я сейчас возвратился. Ездил в горы погулять. Дурная погода помешала пробыть там подольше. Но все же погулял превосходно. Теперь надеюсь кончить, наконец, месяца в полтора непомерно затянувшуюся мою работу. А потом — погуляем вместе. Я очень надеюсь, что ты осенью приедешь к нам надолго. Не правда ли? Непременно приезжай! Очень хорошо бы было, если бы и мама могла приехать. Лето нынче не очень хорошее, дожди и грозы чаще обыкновенного. На сентябрь есть надежда, что будет хорошо...»

В постскрипуме он добавлял:

«Vers l'Eglise — это недалеко от Diablerets. Мы с тобой не были там вместе. От Женевы — 2½ часа по железной дороге и около 4 часов пешком».

В последнее воскресенье августа Ленин вместе с женеvскими социалистами ходил к подножью горы Салев в Гревенском лесу, к камню, который связан с памятью немецкого социалиста Фердинанда Лассалья, умершего от ран 31 августа 1864 года, через три дня после трагической дуэли, происшедшей на этом месте.

В России в это время свирепствовала реакция. По приказу Столыпина было повешено столько рабочих, что виселичная веревка была названа «стольпинским галстуком». О возвращении не могло быть и речи: партийный орган должен был по-прежнему выходить за границу, и в сентябре Ленин устроился в Женеве немного лучше. Оставив меблированную комнату на улице Де Пон, он снял за 25 франков в месяц квартиру из двух комнат в рабочем квартале Пленпале, на улице Мареше, № 61, где он поставил две железные кровати, стол, три табуретки и развесил на стене кухонную посуду.

Когда Ленин оставался один, он питался за 80 сантимов в день в большевистской столовой на улице Каруж.

Ленин любил читать произведения Толстого. Он восхищался талантом этого писателя, о котором как-то сказал, что «до этого графа подлинного мужика в литературе не было».

24 сентября, к 80-летию со дня рождения Толстого, им была опубликована статья: «Лев Толстой, как зеркало русской революции», которая заканчивалась следующими словами:

«Под молотом стольпинских уроков, при неуклонной, выдержанной агитации революционных социал-демократов, не только социалистический пролетариат, но и демократические массы крестьянства будут неизбежно выдвигать все более закаленных борцов, все менее способных впадать в наш исторический грех толстовщины!»

В то же время Ленин закончил свой философский труд «Материализм и эмпириокритицизм», над которым он в течение пяти месяцев работал в Женеве и во время своей непродолжительной поездки в Лондон в библиотеке Британского музея. В предисловии к этой работе Ленин писал:

«Что касается до меня, то я тоже — «ищущий» в философии. Именно: в настоящих заметках я поставил себе задачей разыскать, на чем свихнулись люди, преподающие под видом марксизма нечто невероятно сбивчивое, путаное и реакционное».

Подвергнув в этой книге глубокой и тщательной критике модные реакционные философские течения, Ленин в то же время обобщил научные достижения своего времени и, в частности, великие открытия физики. Он писал: «Электрон так же *неисчерпаем*, как и атом...», и заключал:

«Современная физика лежит в родах. Она рождает диалектический материализм».

Своим трудом Ленин внес решающий вклад в дело теоретической подготовки партии, борющейся за создание нового мира.

На заседании Центрального Комитета в конце лета было решено провести в декабре в Париже общепартийную конференцию. В Париже жили многие эмигранты, и некоторые товарищи настойчиво предлагали Ленину перебраться туда. Ленин был бы не прочь переехать из Женевы, но переехать поближе к России.

12 декабря Ленин покинул Женеву. В тот же день он прибыл в Париж, где остановился в гостинице «Де Гобелен» на бульваре Сен-Марсель, 24. Затем он снял четырехкомнатную квартиру на улице Бонье, 24. Позже он проживал на улице Мари-Роз, отдохнув перед этим по настоянию своих товарищей несколько дней в Ницце. В конце лета 1909 года он провел несколько недель со своей семьей в деревне Бонбон, в департаменте Соны и Луары. Вернувшись после этого в Париж, он осенью того же года выступил с двумя докладами, которые сделал позже также в Люттихе и Брюсселе, где он участвовал в заседании Международного социалистического бюро. В августе 1910 года он со своей женой некоторое время отдыхал в Порнике, в одном из домов отдыха, организованном Французской социалистической партией для своих членов. В Париже он познакомился с молодым товарищем Инессой Арманд, с 1905 года принимавшей участие в партийной работе в России. Весной 1911 года Арманд взяла на себя организацию в Лонжюмо центральной партшколы под руководством Ленина. В школе занимались партии из числа эмигрантов, а также двенадцать

молодых рабочих, специально вызванных для этого большевиками из России. Среди них находился и молодой, упорно учившийся Орджоникидзе, руководивший в первую пятилетку индустриализацией СССР.

Из Парижа Ленин написал президенту женеvского Общества чтения:

«Позвольте мне, господин президент, поблагодарить в Вашем лице Общество чтения, которое оказало мне столько услуг благодаря своей замечательной организации и управлению».

Работал Ленин в национальной библиотеке, доступ в которую он получил по рекомендации социалистического депутата от департамента Ньевр. Во французской столице Ленин в течение трех лет продолжает выпускать «Пролетарий» и вести неустанную борьбу за создание партийной организации, способной привести к победе рабочий класс. Он громит ликвидаторов всех мастей, и в частности Троцкого, который, по его словам, «объединяет всех, кому дорог и люб идейный распад».

Ленин готовит созыв партийной конференции, которая, по его мысли, должна положить конец колебаниям и интригам.

Осенью 1911 года он на несколько дней приехал в Швейцарию, где выступил перед большевиками Цюриха, Берна и Женевы с докладами о подготовке к конференции. Из Швейцарии он послал матери открытку с видом Люцерна, в которой писал:

«Дорогая мамочка! Пишу из Люцерна. Неожиданно (по случаю собрания Международного социалистического бюро в Цюрихе) попал в Швейцарию. Обезьяна с рефератом. Вчера лазал на Пилат — 2122 метра. Погода пока чудесная, и я гуляю чудесно».

В январе 1912 года в Праге под председательством Ленина состоялась VI партийная конференция. Конференция изгнала меньшевиков из партии, заложив действительные основы новой, коммунистической партии.

«Наконец удалось — вопреки ликвидаторской сволочи — возродить партию и ее Центральный Комитет, — писал Ленин Горькому. — Надеюсь, Вы порадуетесь этому вместе с нами».

Со времен старой «Искры» Ленин боролся за осуществление этой цели, за организацию такой партии. Теперь партия функционировала эффективно, все больше и

больше расширяла свою работу, и Ленин уже не мог руководить ею из далекого Парижа. Он поселяется в Кракове, совсем близко к русской границе, куда к нему часто приезжают члены ЦК, в том числе Сталин, снова бежавший из Сибири.

В конце июня 1913 года в связи с тем, что у его жены обострилась базедова болезнь, Ленин привез ее на лечение в Швейцарию к доктору Кохеру.

«Дорогая мамочка! — сообщал он домой.

Вот уже несколько дней мы с Надей в Берне. Кохер еще не принял. Капризник он. Знаменитость и... ломается. Здешние знающие врачи архихвалят его и обещают полный успех. Подождем».

Через несколько недель, 26 июля, он снова писал матери:

«Дорогая мамочка! В среду, наконец, после 2-хнедельной «подготовки» в клинике Надю оперировали. Операция, видимо, сошла удачно, ибо вчера уже вид был у Нади здоровый довольно, начала пить с охотой. Операция была, по-видимому, довольно трудная, помучила Надю около трех часов — без наркоза, но она перенесла мужественно. В четверг была очень плоха — сильнейший жар и бред, так что я перетрусил изрядно. Но вчера уже явно пошло на поправку, лихорадки нет, пульс лучше и пр.

Кохер, все же, хирург замечательный...

Закрытие газеты, в которой я писал, ставит меня в очень критическое положение. Буду искать поусерднее всяких издателей и переводов...»

22 апреля 1914 года в письме из Кракова сестре он проводил следующее сравнение между Парижем и своим пребыванием в Женеве:

«...Не раз мы вспоминали Женеву, где работалось лучше, удобная библиотека, менее нервна и бестолкова жизнь. Из всех мест моего скитания я бы выбрал Лондон или Женеву, если бы оба не были так далеко. Женева особенно хороша общей культурностью и чрезвычайными удобствами жизни».

В первую половину 1914 года около полутора миллионов русских рабочих приняло участие в становившихся все более упорными забастовках. Партия крепла. Ленин готовил очередной съезд. Но суждено ему было состояться лишь три года спустя, летом 1917 года.

ГЛАВА VIII

В БОРЬБЕ ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИЗМА

«Каково ваше отношение к войне?» — Борьба с империалистами и нейтралитет. — Диспут в Лозанне. — Мы любим свою родину, но ненавидим ее рабство.

Вечером 5 сентября 1914 года Ленин приехал в Берн. Перед этим он несколько дней находился в тюрьме в Галиции: австрийские жандармы приняли его статистические выписки по сельскому хозяйству за шифровку и арестовали его как царского шпиона!

Ленин не испытывал ни малейших колебаний: нужно бороться против разразившейся войны. В невоющую Швейцарию он возвратился с тем, чтобы вести борьбу в более благоприятных, чем в Австрии, условиях. И он надеялся в скором времени продолжить эту борьбу в своей стране.

Товарища, который встретил его на вокзале, Ленин просит завтра же собрать на совещание проживающих в Берне большевиков.

Ленин еще не решил, останется ли он в Берне или же вернется в Женеву, куда его влекли, по его словам, «старые симпатии». Узнав, что в Женеву съехалось много эмигрантов и принципиальных противников воинской службы и что в русской колонии творится настоящая сумятица, Ленин был склонен предпочесть спокойный Берн, где было удобнее работать. Но в тот же вечер он все же написал Карпинскому письмо, в котором осведомлялся, многие ли уезжают из Женевы в Россию, насколько поднялись цены, можно ли найти с ежемесячной платой две меблированные комнаты с кухней, есть ли возможность выпустить брошюру. Он спрашивал также, сохранилось ли типографское оборудование и как обстоит дело с наборщиком.

На следующий день 8 или 9 большевиков собрались в пригородном лесу.

Ленин зачитал товарищам «Тезисы о войне», которые он писал в пути и закончил накануне вечером. Он характеризовал разразившуюся войну как войну империалистическую, грабительскую и заклеил измену вождей II Интернационала. Эта измена, указал Ленин, не является случайностью: ведь уже давно во II Интернационале господствует оппортунизм. Ленин подчеркнул, что для рабочего класса и трудящихся всех народов русской империи наименьшим злом было бы поражение царской монархии. В заключение он выдвинул четкий лозунг: разъяснить солдатам всех армий, что они должны направить оружие не против своих братьев — рабочих и крестьян других стран, а против империалистических правительств и буржуазии своих стран.

Бернские большевики одобрили тезисы Ленина. Так горстка русских революционеров бросила вызов всем тем, для кого война являлась источником наживы, а также их слугам: правительствам, генеральным штабам и скатившимся на позиции шовинизма социал-демократическим лидерам.

Возвратившись домой, во временно снятую ими двухкомнатную меблированную квартиру, Ленин и Крупская переписали в нескольких экземплярах «Тезисы о войне» и, поставив под ними подпись «Группа социал-демократов, членов РСДРП» (Ленин хотел, чтобы это первое выступление носило не личный, а коллективный, партийный характер), разослали их различным большевистским организациям за границей. На оставшемся у него экземпляре Ленин, чтобы дезориентировать швейцарские власти, на всякий случай написал: «Копия воззвания, опубликованного в Дании». Несколько дней спустя (13 или 14 сентября) «Тезисы» были пересланы с нарочным в Россию и вручены членам Русского бюро Центрального Комитета и большевистской фракции Думы¹.

Уже в середине октября Ленину стало известно, что члены ЦК в России и большевистская фракция Думы одобрили «Тезисы», которые обсуждались на ряде круп-

¹ Нарочным был большевик, депутат Государственной думы Ф. Н. Самойлов.— *Ред.*

ных петербургских заводов, где большевистские комитеты в первый же день войны выпустили листовку, озаглавленную: «Долой войну! Война войне!»

Жан Жорес, до последнего часа пытавшийся спасти мир, пал жертвой первой пули этой войны накануне начала военных действий. Лидеры французских социалистов Марсель Самбо и Жюль Гед вступили в правительство. Председатель Международного социалистического бюро Эмиль Вандервельде представлял свою партию в бельгийском кабинете; в Великобритании большинство лейбористских лидеров поддерживали правительство, а один из них, Гендерсон, даже стал вскоре министром; большинство социал-демократических вождей Германии, Австрии и Венгрии включились в милитаристский хор. Спрятав в карман прекрасные антивоенные резолюции, принятые ими на Штутгартском и Базельском конгрессах II Интернационала, все они дружно проголосовали за утверждение военных кредитов, призванных спасти — как с одной, так и с другой стороны — «отечество и свободу».

Перед лицом этой всеобщей измены Ленин считал, что большевики должны проявить инициативу по объединению всех тех, кто выступал против войны, как например, немцы Карл Либкнехт, Франц Меринг, Роза Люксембург и Клара Цеткин и такие молодые революционеры, как Вильгельм Пик (с 1912 года — секретарь партийной школы), протестовавшие против шовинистической позиции большинства руководителей германской социал-демократии.

Через несколько дней после своего приезда в Берн Ленин направился в редакцию местной социал-демократической газеты «Бернер тагвахт», где встретился с ее редактором Робертом Гриммом. Предоставляем слово Роберту Гримму, который так описывает эту встречу:

«Краткие приветствия. Он в нескольких словах рассказывает, как ему удалось бежать из Кракова... Затем он сразу задает мне вопрос:

— Каково ваше отношение к мировой войне? Вы рассматриваете ее как следствие империализма, вы против нее? Хорошо. Тогда есть только один лозунг, который вы должны немедленно распространять в Швейцарии, как и во всех других странах: вооруженное восстание!»

«Этого было достаточно,— добавляет Гримм в своих воспоминаниях, написанных в 1924 году.— Я знал, что мы

никогда не договоримся по тактическим вопросам. Так и случилось».

Но для Ленина это не было вопросом тактики. Он понимал также, что только путем терпеливой и сложной работы можно подвести народные массы к пониманию этого важнейшего лозунга. Но он верил в успех.

Он использует первую же возможность для выступления в международном масштабе: 27 сентября в Лугано итальянские и швейцарские социалисты собрались на конференцию, одним из инициаторов которой был Ленин. Итальянская социалистическая партия больше других сопротивлялась распространению шовинизма. Это давало повод к некоторой надежде, и Ленин передал на обсуждение конференции свои «Тезисы о войне», некоторые формулировки которых были включены в решения конференции. Так, конференция определила войну как «империалистическую затею». Главными представителями швейцарской социалистической партии на этой конференции были Роберт Гримм, Шарль Нэн, Шенкель и Пфлюгер.

В начале октября Ленин написал манифест ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия». В этом историческом документе Ленин призывал рабочий класс превратить империалистическую войну в гражданскую, в войну против наживающихся на войне миллиардеров, он выдвинул лозунг о поражении своих, империалистических правительств и обосновал необходимость создания нового, III Интернационала.

Ленин знал, что все это не может осуществиться в один день, без серьезной работы. Но в обстановке всеобщего смятения он указывал ясную перспективу:

«Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистической войны между высоко развитыми буржуазными странами. Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом.

Только на этом пути пролетариат сможет вырваться из своей зависимости от шовинистской буржуазии и, в

той или иной форме, более или менее быстро, сделать решительные шаги по пути к действительной свободе народов и по пути к социализму».

Ленин сразу же поручил большевистской группе Женева издать манифест в виде брошюры, организовав хранение тиража «у влиятельного швейцарского гражданина, депутата и т. п.» Ленин сам решил выступить в Женеве, но попросил организовать это без лишнего шума, чтобы присутствовало как можно больше людей при минимуме возможности вмешательства со стороны полиции.

Ленин писал:

«Есть *все* основания ждать, что швейцарская полиция и военные власти (по *первому жесту* послов русского или французского и т. п.) учинят военный суд или высылку за нарушение нейтралитета...»

В начале октября Ленин узнал, что Плеханов прочитал в Женеве реферат в поддержку войны и собирается в том же духе выступить в Лозанне. 10 октября Ленин получил телеграмму из Лозанны о том, что реферат Плеханова назначен на завтра и должен состояться в Народном доме. Ленин сразу же стал готовиться к выступлению против Плеханова. 11 октября он приехал в Лозанну и остановился у своих друзей в вилле Ружмон в квартале Шайн. За ужином он был настолько взволнован, что не мог даже есть.

Зал Народного дома заполнили меньшевики. Было и несколько большевиков, приехавших вместе с Лениным из Берна, а также явившихся из Божи-сюр-Монтре и из самой Лозанны.

В начале своего доклада Плеханов обрушился на германский империализм. Ленин был согласен и аплодировал докладчику. Но затем Плеханов попытался доказать необходимость войны и тем самым взять под свою защиту империалистов, воевавших с Германией. Как только он закончил, взял слово Ленин. Замечательно использовав предоставленные ему 10 минут, он разъясняет, что война не случайность, а следствие капиталистических противоречий. Он напоминает об антивоенных резолюциях, принятых на конгрессах социалистического Интернационала в Штутгарте, Копенгагене и Базеле, и призывает к борьбе за превращение начавшейся войны в решительную битву пролетариата против правящих классов. Плеханов с обычным для него остроумием возражает Ленину, мень-

шевики ему бешено аплодируют. Однако после этой первой стычки большевики отнюдь не чувствуют себя потерпевшими поражение.

Три дня спустя, 14 октября, Ленин выступил в том же самом Народном доме с докладом на тему «Пролетариат и война».

В зале не было ни одного свободного места. С первых же фраз Ленин перешел в наступление. Он подчеркнул, что эта война является грабительской и что наименьшим злом для русского рабочего класса было бы поражение царя. Он сообщил слушателям, что ЦК РСДРП уже распространил в России прокламацию против войны, что социал-демократические организации Кавказа и других районов страны последовали этому примеру. Наконец, он показал, к чему может привести эта борьба: к превращению империалистической войны в войну пролетариата против тех, кто бросил его на страшную бойню.

Это был крупный успех. Речь Ленина воодушевила большевиков, увлекла колебавшихся. Ленина тут же попросили выступить и в других швейцарских городах, где было много русских эмигрантов.

На следующий день, 15 октября, Ленин выступил в Женеве с рефератом «Европейская война и социализм».

16 октября, возвратившись в Берн, Ленин узнал, что его тезисы о войне одобрены членами Русского бюро ЦК. Теперь, получив официальное одобрение партии, Ленин считает, что следует возобновить издание центрального партийного органа, газеты «Социал-демократ».

К этому времени из Парижа приехал казначей партии со всей большевистской кассой: 160 франками. «Денег нет, денег нет!! Главная беда в этом!» — писал Ленин. Было решено ассигновать эти 160 франков на выпуск первого номера газеты, в котором объявлялась война всем империалистам и их агентам в рабочем движении — погрязшим в шовинизме социал-демократическим лидерам.

Ленин немедленно сообщил женевским товарищам, что из России получены ободряющие вести и что отныне у них есть официальная санкция ЦК. Он рекомендовал продолжать работу с величайшей осторожностью, не оставляя никаких следов, уничтожая черновики и гранки, и советовал набирать газету мелким шрифтом, чтобы дать как можно больше текста при наименьших затратах. Особо

важные письма в Женеву Ленин посылал не почтой, а с оказией, через товарищей.

Нужно ли заказывать для газеты отдельный абонементный номер на почте? Ведь слишком частые приходы за корреспонденцией привлекут внимание швейцарских властей? — спрашивал Ленин. — Не лучше ли будет просто поставить адрес Русской библиотеки? Ответственным редактором, — указывал он, — должен быть швейцарский гражданин. Можно рассчитывать на женевского депутата-социалиста Эмиля Николе, но, — писал Ленин, — «Николе, говорят, не способен вести счета, следить за деньгами и т. д.»

26 октября Ленин выступил в Кларен-сюр-Монтре. На следующий день он выступил в Цюрихе с рефератом на тему «Война и социал-демократия».

Связь с Россией через Стокгольм становилась все более затруднительной. На пересылку писем нелегальным путем через всю Европу часто уходило более месяца. В России многие руководящие работники партии были арестованы.

Несмотря на все трудности, 1 ноября Ленину удалось выпустить от имени большевистского ЦК в Женеве 33-й (первый после возобновления) номер «Социал-демократа», который в дальнейшем был распространен в России. Этот номер был сперва отпечатан в пятистах экземплярах, затем была дополнительно отпечатана еще 1 тысяча экземпляров. Слово Ленина дошло до русского народа, который смог ознакомиться с манифестом ЦК, призывавшим к борьбе против войны, и со статьей Ленина о международном социалистическом движении, озаглавленной «Положение и задачи социалистического Интернационала».

За день или за два до этого в швейцарских социалистических газетах «Фольксрехт» и «Бернер тагвахт» были опубликованы заявления германских интернационалистов Карла Либкнехта, Франца Меринга, Розы Люксембург и Клары Цеткин, где они выразили протест против официальной позиции Центрального Комитета Германской социал-демократической партии, ряд представителей которой опубликовал шовинистические статьи в социалистической прессе Швеции, Швейцарии и Италии.

В Берне Ленин вел жизнь скромного труженика: ра-

ботал в библиотеках и гулял в расцвеченных осенью окрестных лесах, обдумывая все новые и новые аргументы и делаясь ими со своей женой и приехавшей к ним Инессой Арманд. Она занималась здесь переводом большевистских манифестов на французский язык и старалась распространить их в Париже.

Сначала Ленин жил в доме 11-а по улице Доннер-бюльвег, а затем снял небольшую квартиру в особняке с маленьким садом по улице Дистельвег, 11, расположенной у самого въезда в город, рядом с большим Бре-мгартенским лесом.

Ленин переписывается со своей сестрой по поводу большой статьи о Марксе, которую он написал для энциклопедии и выслал ей в Россию. В своих письмах он выражал некоторое беспокойство о судьбе своих книг, большую часть которых он был вынужден оставить в Галиции. Его опасения оказались вполне обоснованными, так как жандармы передали все захваченные ими его книги и архивы в варшавский армейский штаб.

Несколько позже в одном из писем он писал своей сестре:

«Мы живем ничего себе, тихо, мирно в сонном Берне. Хороши здесь библиотеки, и я устроился недурно в смысле пользования книгами. Приятно даже почитать — после периода ежедневной газетной работы. Надя имеет здесь еще педагогическую библиотеку и пишет педагогическую работу.

Писал Аняте насчет того, нельзя ли найти издателя для аграрной книги: я написал бы здесь. *Ежели* будет случай, узнай и ты...

Если будет оказия, узнай (коли не хлопотливо), получил ли Гранат мою статью о Марксе. Хорошо бы иметь работу для Энциклопедического словаря, но это, верно, устроить нелегко, если не иметь случая познакомиться с секретарем редакции».

К любому делу Ленин относился исключительно серьезно. Когда 17 декабря 1914 года он закончил в Бернской библиотеке чтение «Науки логики» немецкого философа Гегеля, его выписки на русском, немецком и даже английском языках составили целых три тетради в 115 страниц и явились сами по себе интереснейшим философским трудом, развивающим метод материалистической диалек-

Циммервальд.

тики. В этот период Ленин изучал также Фейербаха, Аристотеля и других философов. Его конспекты получили позднее название «Философских тетрадей».

Читая работу немецкого военного стратега Клаузевица «О войне и ведении войны», Ленин выписывал, снабжая своими примечаниями, наиболее интересные места этой книги в школьную тетрадь, и эта тетрадь стала своеобразным учебником о войне и политике, о применении диалектики к ведению военных операций.

В. А. Карпинский рассказывает: «Среди качеств, выделявших Ленина из толпы и делавших его необыкновенным человеком, следует назвать его такт, готовность к помощи, простоту и скромность по отношению не только к его товарищам, членам Центрального Комитета и другим членам партии, но и ко всем людям, будь то знаменитость или простая уборщица».

Ленин часто навещал своих друзей, любил беседовать с каждым из них, играть с их детьми. Товарищ, который встречал Ленина на вокзале в день его приезда в Берн, рассказывает:

«Я жил тогда на Фалькенвег, в подвальном помещении. Приближаясь к моей квартире, Владимир Ильич прежде всего бросал взгляд на окна. Завидев детей, он строил рожки из пальцев над головой и скорчившись, с ужасной миной, входил в дом. Дети в испуге бросались под стол и диван. Ленин преследовал их. Игра продолжалась до тех пор, пока все не уставало, тогда заключался мир, нарушавшийся то одной, то другой стороной. Дети боготворили Ильича, так как никто не умел так любить их, как он, и играть с ними, как он. Каждый приход Ильича был для них настоящим праздником».

17 ноября в Петербурге были арестованы пять большевистских депутатов Думы за их решительное выступление против войны.

Для распространения революционных лозунгов среди людей, говорящих по-французски, Ленин поручил 21 ноября большевистской группе в Женеве организовать реферат Инессы Арманд на французском языке на тему «Разные течения среди русских социалистов по отношению к войне». В тот же день он послал переводы манифеста ЦК против войны ряду французских, английских и немецких социалистических газет.

В это же время через русских товарищей, членов Швейцарской социалистической партии, проживавших в Женеве, Лозанне и Шо-де-Фоне, Ленин установил контакт с Нэнном и Грабером, руководителями социалистической партии романской Швейцарии, выступившими против милитаризма. Благодаря их помощи антивоенный манифест большевиков был опубликован 30 ноября в органе Швейцарской социал-демократической партии, газете «Ля Сантинэль», издававшейся в Шо-де-Фоне. «Ильич торжествовал», — пишет Крупская. В начале декабря Ленин публикует большую статью «О национальной гордости великороссов». В ней содержится следующее определение революционного патриотизма:

«Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы *ее* трудящиеся массы (т. е. $\frac{9}{10}$ *ее* населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды...

«Не может быть свободен народ, который угнетает чужие народы», так говорили величайшие представители последовательной демократии XIX века, Маркс и Энгельс, ставшие учителями революционного пролетариата. И мы, великорусские рабочие, полные чувства национальной гордости, хотим во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий».

* *
*

2 декабря 1914 года в охваченном лихорадкой Берлине, где уходившие на бойню, одурманенные бешеной пропагандой новобранцы кричали: «На Париж», с речью в рейхстаге против предоставления кредитов на

империалистическую войну выступил один человек, который открыто противопоставил себя парламентской фракции своей партии. Это был Карл Либкнехт.

Писатель Ромэн Роллан, переселившийся в Женеву, отмечал в своем дневнике: «Мужественный Либкнехт, уповая лишь на себя, отказался голосовать за военные кредиты. Его партия отвергла его. Вся Германия подвергает его оскорблениям и насмешкам...»

И французский писатель, сам подвергавшийся у себя на родине оскорблениям и насмешкам, больше не чувствовал себя одиноким, призывая «сквозь кошмар бойни» к разуму, братству и миру.

Так заканчивался 1914 год, первый год империалистической войны. Из Берна Ленин не прекращает писать письма в Россию, повторяя все те же лозунги. «Самое важное,— пишет он одному из товарищей,— это прочные, постоянные сношения».

ГЛАВА IX

ПОБЕДА СОЦИАЛИЗМА ВОЗМОЖНА В ОДНОЙ СТРАНЕ

Конференция женщин и молодежи в Берне.—Гримм, Нэн, Грабер и другие.—Бурная дискуссия в деревушке Циммервальд.—Социал-демократическая партия Швейцарии намерена обсуждать вопрос о войне после войны.—Капитализм развивается неравномерно.

В то время как Ленин продолжал регулярно посещать библиотеки, его письма путешествовали по воюющим странам, пересекали моря, проникали через портовые кордоны, находили дорогу на предприятия и повсюду, на бесконечных дорогах России, даже в далекой заполярной тундре они вновь и вновь тщательно переписывались. Даже там, на Крайнем Севере, в Заполярье, ссыльные революционеры читали «Тезисы о войне».

23—25 февраля 1915 года в Петрограде состоялся процесс пяти большевистских депутатов, выступивших против войны. Все они были приговорены к ссылке в Сибирь. В Берне немедленно был организован митинг протеста.

С 27 февраля по 4 марта в Берне состоялась конференция зарубежных секций большевиков с участием представителей групп из Цюриха, Берна, Женевы, Лозанны, Божина-Монтре, Лондона и Парижа. Ленин выступил с основным докладом «Война и задачи партии», выводы которого были одобрены конференцией. Конференция содействовала сплочению большевиков, находившихся за границей.

8 марта социал-демократическая фракция в рейхстаге провела в Берлине секретное заседание, на котором обсуждался вопрос о поддержке или отклонении 10-миллиардного военного бюджета. 77 депутатов социал-демократов голосовали за предоставление 10 миллиардов марок на войну, 23 высказались против, однако, «соблюдая партийную дисциплину», большинство решило голосовать в рейхстаге за военные кредиты.

Спустя два дня депутаты Карл Либкнехт и Отто Юле, противопоставив себя всему рейхстагу, проголосовали в соответствии с наказом своих избирателей против предоставления 10 миллиардов марок на военные нужды. За это они автоматически были исключены из социал-демократической фракции.

* *
*

Проживавших за границей представительниц большевистских женских организаций уже давно занимала мысль о подготовке Международной социалистической конференции женщин. Этой идеей они увлекли и немецкую социалистку Клару Цеткин, выступившую в поддержку созыва этой конференции в качестве секретаря Международного социалистического женского бюро.

Конференция состоялась с 26 по 28 марта в Берне. В ее работе участвовало 25 женщин. С момента начала войны это была первая значительная международная социалистическая конференция. Среди присутствовавших было 4 англичанки, 7 немок, 3 голландки, 1 французенка, 2 швейцарки, 1 итальянка, 6 русских (2 представительницы меньшевиков, 4 — большевиков) и 1 поляка.

С самого начала возникли противоречия. Большинство делегатов хотело ограничиться резолюцией общего характера в пользу мира, в то время как делегатки-большевички, руководимые Крупской и Инессой Арманд, предложили текст, составленный Лениным и призывавший к «нарушению гражданского мира». Хотя делегатки-большевички, поддержанные польским товарищем, остались в меньшинстве, эта конференция свидетельствовала о восстановлении международных социалистических связей в борьбе против войны.

Вскоре после этого, 5—6 апреля, в Берне состоялась Международная конференция социалистической молодежи. В ней приняли участие делегаты из России, Норвегии, Голландии, Швейцарии, Болгарии, Германии, Польши, Италии, Дании и Швеции. Инесса Арманд, представлявшая большевиков вместе с еще одним товарищем, предложила в качестве третьего пункта по-

вестки дня резолюцию, призывавшую молодежь активно бороться против шовинизма и империализма. Конференция решила, в частности, ежегодно проводить Международный юношеский день. Она избрала Международное бюро социалистической молодежи, приступившее к выпуску журнала «Югенд-Интернационале» («Интернационал молодежи»). В этом журнале сотрудничал также Ленин.

Выступления против войны ширились, принимая новое направление.

31 мая ежедневный социал-демократический орган «Бернер тагвагт» опубликовал воззвание немецких левых социалистов: «Главный враг — в собственной стране». Это воззвание было составлено Либкнехтом. На следующий день было сообщено о выпуске в ближайшее время в Швейцарии большевистского журнала «Коммунист». Наконец, 9 июня было опубликовано открытое письмо, составленное Либкнехтом и подписанное тысячами активистов социал-демократической партии Германии, в котором выражался протест против позиции большинства лидеров партии по отношению к войне.

В это время у Крупской произошло обострение базедовой болезни, и врачи предписали ей переселиться в горы.

Внимательно ознакомившись с газетными объявлениями, Ленин нашел, наконец, дешевый пансион, гостиницу «Мариенталь» в маленькой деревушке Сörenберг в горах. В Сörenберге Ленин продолжал работать. Он написал статью «Крах II Интернационала» и брошюру «Социализм и война». Его жена пишет в своих воспоминаниях:

«В Сörenберге устроились мы очень хорошо, кругом был лес, высокие горы, наверху Ротхорна даже лежал снег. Почта ходила со швейцарской точностью. Оказалось, в такой глухой горной деревушке, как Сörenберг, можно было бесплатно получать любую книжку из бернских или цюрихских библиотек. Пошлешь открытку в библиотеку с адресом и просьбой прислать такую-то книгу. Никто не спрашивает тебя ни о чем, никаких удостоверений, никаких поручительств о том, что ты книгу не зажилишь, — полная противоположность бюрократической Франции. Книжку, обернутую в папку,

там... Постарайтесь повидать, пожалуйста, поскорее обоих, покалякайте по душам и черкните мне пару слов в ответ, по возможности поскорее, насчет того, в каком настроении оба сии левые француза.

Ленин действовал настойчиво. Он поручил Инессе Армайд отправиться в романскую часть Швейцарии и установить контакт с Нэнном и Грабером. Однако встретиться с ними оказалось не так-то легко. Раз Нэн якобы пошел на рыбалку, другой раз дочка Грабера почтительно заявила Инессе: «Отец сегодня занят, у нас стирка, он белье развешивает...»

Ленин срочно отдал переводить на немецкий язык свою брошюру «Социализм и война» и на французский язык — резолюции большевистской конференции в Берне, для того чтобы участники встречи были точно информированы о позиции большевиков.

Хорошие вести пришли из Парижа: Союз металлистов и смежных профессий Франции в связи с 1 Мая выпустил специальный номер своего органа «Л'юньон де мето» с лозунгом «Эта война не наша война!» Газета заявила о своей солидарности с немецкими интернационалистами Карлом Либкнехтом, Кларой Цеткин, Розой Люксембург, Францем Мерингом и их соратниками и опубликовала последний манифест этой группы. Газета мужественно заявляла, что эта война является следствием «политики агрессивного колониализма и империализма, вина за которую падает на все правительства».

Эти лозунги были приняты и на конференции французских профсоюзов в Париже. Меньшинство ВКТ направило писателю Ромэну Роллану обращение с выражением солидарности, а тридцать из 110 представленных организаций энергично заявили: «Эта война не наша война!»

Международная конференция созывалась, таким образом, в исключительно благоприятных условиях. Ее открытие было назначено на 5 сентября 1915 года в деревушке Циммервальд, расположенной в 10 км от Берна среди пышных альпийских лугов.

Ленин направился в Циммервальд за два дня до открытия конференции. Ему удалось создать из прибывших делегатов нечто вроде левой группы, члены ко-

торой в большей или меньшей степени поддерживали позицию большевиков.

Ленин поселился в одном из первых крестьянских домов с правой стороны при въезде в деревню Циммервальд. Вечером 4 сентября он собрал левых делегатов в одном из залов пансиона, где должны были состояться заседания.

Делегаты приехали из Берна в четырех просторных линейках (распространенных тогда повозках), запряженных лошадьми. На одном из поворотов дороги, шедшей через красивый буковый лес, Троцкий, указывая на них пальцами, цинично заметил: «Спустя полвека после основания I Интернационала всех интернационалистов можно разместить в четырех телегах!»

Ленин не считал, конечно, что в Циммервальде представлены все интернационалисты. Он думал о сосланных в Сибирь большевистских руководителях, о призванном в армию Либкнехте, который вскоре должен был предстать перед военным судом, о заключенной в тюрьму Розе Люксембург. Собрав накануне конференции левых делегатов, он сделал все, чтобы конференция обратилась с ясным призывом к народам, страдавшим от войны и начинавшим стихийно выступать против нее.

В Циммервальде собралось около 40 социалистов из 11 стран. Наиболее многочисленной группой среди них были немцы — 10 человек. Среди присутствовавших было восемь русских, один латыш, один наблюдатель от Бунда, три поляка, один литовец, пять итальянцев, два представителя Балканских стран (среди них Василь Коларов, будущий премьер-министр Народной Республики Болгарии), один норвежец, один швед, одна голландка и два француза. Наконец, было еще четыре швейцарца, приехавших по собственной инициативе, так как их партия не дала им мандата: Р. Гримм, Ш. Нэн, Ф. Грабер (усилия Ленина возымели-таки успех) и Ф. Платтен. При таком распределении сил прочное большинство было за правыми социалистами (двадцать три человека), в то время как левое крыло насчитывало 8 делегатов. Кроме того, было еще центристское болото, в котором барахтались Троцкий и шесть других весьма странных делегатов.

С первого же дня на конференции развернулась борьба вокруг манифеста, который предстояло выпустить конференции. Левые зачитали свой проект, составленный на основе антивоенного воззвания большевистского Центрального Комитета. Это взбесило правых, не пользовавшихся доверием масс, а немецкий социал-демократ Ледебур, повернувшись к Ленину, крикнул: «Очень удобно, бежав за границу, обращаться к массам с революционными призывами». Ленин отвечал, что те же обвинения он уже слышал от царского прокурора, а от социалиста он ожидал иных аргументов. Затем он сам перешел в наступление, призвав депутата рейхстага Ледебура согласовать свои поступки со словами и здесь, публично, обязаться голосовать против империалистических военных кредитов.

На следующий день для составления манифеста была назначена комиссия в составе 7 человек. Она работала в саду при пансионе. Ленин был один против шести остальных членов комиссии. Он критиковал их проекты за чрезмерную осторожность и щепетильность выражений, за крайнюю робость в нападках на шовинистически настроенных социал-демократических вождей, повторяющих ту же милитаристскую ложь, за которую делегаты конференции осуждают капиталистов. Предложенный текст говорил о необходимости «содействовать пробуждению революционного духа у пролетариев всех стран», однако его авторы, как отметил Ленин, не давали социалистам указаний, что им следовало делать, чтобы добиться этого.

Предложенный Лениным проект резолюции отличался исключительной ясностью. Он указывал цель и средства для ее достижения: он требовал, чтобы социал-демократические депутаты голосовали против военных кредитов, а министры-социалисты вышли из правительств. Он доказывал, что социалисты должны разоблачать капиталистический, антисоциалистический характер войны с парламентских трибун, на страницах легальной и, если необходимо, нелегальной прессы. Он призывал их бороться со всей энергией против шовинизма, упорно работать над превращением всех вызванных нуждой и кровавой бойней народных выступлений в антиправительственные уличные демонстрации, развер-

тывать пропаганду за интернационалистическое братание в окопах.

Дискуссия протекала очень остро. Наконец, Ленин от имени Центрального Комитета РСДРП подписал выработанный в результате долгих обсуждений манифест. Ленин не отказывался, как он говорил, сделать совместно с неустойчивыми элементами «шаг к идейному и практическому разрыву с оппортунизмом и социал-шовинизмом», однако он сохранял полную свободу высказать свою собственную точку зрения. Левые составили заявление «Всемирная война и задачи социал-демократии» и проект манифеста. В этих документах было сказано все то, что было обойдено молчанием в манифесте большинства конференции.

Ленин писал, что это было «первое выступление ядра левых социал-демократов всех стран, имеющих ясный, точный, полный *ответ* на вопрос, что делать и куда идти». — «Не беда, что нас единицы! — говорил тогда Ленин, — с нами будут миллионы».

Конференция избрала Международную социалистическую комиссию, в состав которой вошли швейцарцы Роберт Гримм и Шарль Нэн и два итальянца. Левые создали бюро, опубликовавшее позже ряд документов.

Немцы Ледебур и Гофман, подписавшие манифест по поручению своей делегации, подписали затем вместе с французами Бурдероном и Мэргеймом совместное заявление, в котором говорилось: «Мы, немецкие и французские социалисты и профсоюзные деятели, заверяем, что эта война не наша война».

По окончании конференции Ленин приложил много усилий к тому, чтобы точка зрения Циммервальдской левой стала широко известна.

Энергия, затраченная им в Циммервальде, не была затрачена напрасно: тайно переправленная в Германию большевистская брошюра «Социализм и война» нелегально распространялась в Берлине, Лейпциге, Бремене и других городах сторонниками Циммервальдской левой и всеми, кто последовал примеру Либкнехта. Инесса Арманд перевела брошюру на французский язык и организовала ее распространение во Франции. Она сама поехала в Париж. Там она добилась поддержки нескольких членов союза молодых социалистов от департа-

Дом на Шпигельгассе, 14, в Цюрихе.

мента Сены и установила связь с профсоюзами металлургов, швейников и строителей. Переправить большое число экземпляров русского издания в Россию не удалось, и московские рабочие усердно переписывали эту брошюру от руки по вечерам после долгого трудового дня.

Вечером 21 сентября солдат Карл Либкнехт, лежа в окопе на Восточном фронте, нацарапал следующее письмо, отправленное затем полевой почтой:

«Дорогие дети!

Сегодня здесь был ужасный день и скверный вечер. Русское наступление со стороны Риги застало нас врас-

плох. Мы окапываемся теперь на новых позициях, на передней линии. Свежо. Поблизости слышны страшные разрывы — над нами разверзся ад. Я не буду стрелять.

Будьте здоровы, мои дорогие! Целую вас так горячо, как я вас люблю — до свидания через девять недель — всего, всего хорошего.

Ваш папа».

Из Сörenберга Ленин написал русской революционерке Александре Коллонтай, собиравшейся отправиться из Стокгольма в Америку. Он настаивал на том, чтобы она сделала там все необходимое для объединения различных интернационалистских течений, и добавлял, что крайне необходим выпуск в свет брошюры «Социализм и война» на английском языке.

В начале октября Ленин вернулся из Сörenберга в Берн.

Ленин снял комнату, имевшую (какое чудо!) электрическое освещение. Вместе с женой он внес чемодан, где было все их имущество и книги. Пришли друзья, и Крупская показывала им как предмет роскоши маленькую лампочку, благодаря которой они смогут работать во время долгих осенних и зимних вечеров. Едва друзья ушли, как в комнату с шумом ворвалась хозяйка, заявившая, что днем зажигать электрический свет запрещено. Ленин лишь покачал головой, заметив, что у хозяйки, видимо, не все дома. На другой день они с Крупской, скрепя сердце, переехали в другую комнату на Зайденвег, 4-а, на этот раз без электрического освещения.

«Осень была душноватая, — писала Н. К. Крупская. — Берн — город административно-учебного характера по преимуществу. В нем много хороших библиотек, много ученых сил, но вся жизнь насквозь пропитана каким-то мелкобуржуазным духом».

Осенью того же года председатель кружка «Русской академической молодежи» при Базельском университете получил письмо от эмигранта Владимира Ульянова (это имя ему совершенно ничего не говорило), в котором тот предлагал за небольшое вознаграждение выступить в Базеле с рефератом «Военное положение и будущее России». Русские студенты приняли предложение, назначив докладчику гонорар в размере 10 фран-

ков. Лекция вскоре состоялась в ресторане «Иоганитергайм», где обычно проводили свои собрания рабочие организации. Ленин выступал перед аудиторией в 30—40 слушателей, состоявшей наполовину из студентов и примерно столько же присоединившихся к ним русских рабочих-эмигрантов. Будущее России? Прежде всего, необходимо свергнуть царя и поддерживающих его капиталистов и помещиков, а затем уже можно будет говорить о будущем России — такова была основная мысль, развитая Лениным перед соотечественниками. Слушатели были немного озадачены ясностью этой мысли, впервые высказанной столь определенно и уверенно. Дискуссии не было. Председательствующий попытался сформулировать ряд возражений, затем закрыл собрание и отправился провожать докладчика по улицам предместья. Пройдя несколько шагов по морозному воздуху, Ленин, положив руку на плечо своего юного провожатого, сказал ему: «А ведь Вы, наверно, мерзнете в этом тонком пальто?» Бросив в свою очередь взгляд на более чем скромное одеяние Ленина, студент предложил выпить по кружке пива. Нет, сейчас надо идти спать! Часть утра следующего дня Ленин провел в музее перед полотнами Гольбейна и Беклина, затем он вернулся в Берн.

9 ноября Ленин вновь написал письмо Александре Коллонтай, находившейся уже в Америке. Он снова подчеркивал важность объединения интернационалистских элементов в США и просил Коллонтай издать на английском языке в виде брошюры проекты резолюций и манифеста Циммервальдской левой. Он послал Коллонтай 500 экземпляров немецкого издания своей брошюры «Социализм и война» для распространения в Америке. Несколько дней спустя он направил ответное послание «Лиге социалистической пропаганды» в Америке, в котором разъяснял лозунги Циммервальдской левой против войны.

20—21 ноября 1915 года в Аарау происходил съезд социал-демократической партии Швейцарии. Большевиков не было на съезде, однако ленинские идеи оказывали заметное влияние на ход прений.

Швейцарский рабочий класс переживал суровые времена. Четверть членов швейцарских профсоюзов не имела работы. Остальные работали за жалованье, сни-

женное на 20, 30 и даже 50%. Мужчин постоянно забирали на длительное время в армию. Испытывая скрытое недовольство, а порой и ярость, рабочие наблюдали, как многочисленная высокопоставленная военщина, считавшая военной службу приятным занятием, сорила деньгами. В городах поднялись цены, перед ратушами собирались, горько сетуя на свою судьбу, бедно одетые женщины и требовали пособий и талонов на картофель — ведь их призванные на военную службу мужья ничего не зарабатывали. Затем они отправлялись вдоль железнодорожных путей в поисках кусков угля.

Парламент предоставил правительству чрезвычайные полномочия, за что также проголосовали с благословения Грейлиха социал-демократические депутаты. Федеральное правительство использовало эти полномочия для того, чтобы еще более ухудшить условия жизни рабочих. Верхушка офицерской касты, в значительной мере перенявшая прусскую муштру и превратившаяся постепенно в военную клику, не останавливалась уже ни перед чем. Военные суды выносили приговоры деятелям рабочего движения, свобода печати была в загоне, методы государственного управления приобретали все более и более полицейский характер.

В этой обстановке руководство социал-демократической партии Швейцарии показало свое подлинное идейное лицо. На заседании 4 сентября оно приняло решение, которое затем в официальном отчете было доведено до сведения делегатов съезда в Аарау: «Вопрос об одобрении военных бюджетов надлежит обсудить на одном из послевоенных партсъездов в общей связи с позицией партии по отношению к милитаризму».

На самом съезде ряд низовых партработников выразил протест против такой позиции лидеров. Эта оппозиция определилась еще четче в связи с обсуждением вопроса об отношении социал-демократической партии Швейцарии к Циммервальдской конференции.

Еще 15 октября, спустя месяц после Циммервальда, правление социал-демократической партии Швейцарии большинством в 8 голосов против 2 выразило свое неодобрение решениям Циммервальдской конференции. Это так мало отвечало мнению наиболее активных чле-

нов партии, что эта резолюция вскоре получила название «декларации восьми», подчеркивавшее частный характер этого мнения.

На рассмотрение съезда были представлены два проекта резолюции. Проект социал-демократической партии организации г. Цюриха гласил: «Съезд приветствует Циммервальдскую конференцию, разделяет ее решения и постановляет оказывать всемерную идейную и материальную поддержку начинаниям конференции». Проект социал-демократической парторганизации кантона Нейшатель: «Считая, что экономический крах, навстречу которому идет Европа, вызовет всеобщий упадок, социал-демократическая парторганизация кантона Нейшатель с радостью приветствует всякую попытку к восстановлению международных связей и, в частности, Циммервальдскую конференцию. Партия выражает сожаление по поводу того, что руководство Швейцарской социалистической партии не послало туда своих официальных представителей. Она требует, чтобы съезд в Аарау оказал моральную и финансовую поддержку Международной социалистической комиссии.

Партия выражает чувство сердечной симпатии всем товарищам в воюющих странах, оставшимся верными принципам Интернационала и классовой борьбы. Партия требует мира на базе принципов Циммервальдской конференции и считает, что этот мир может быть достигнут не продолжением войны, а лишь революционными действиями рабочего класса».

Большинство партийного руководства предложило отклонить оба проекта — и Цюрихский и Нейшательский. Меньшинство высказалось за одобрение Цюрихской резолюции.

Делегаты сознавали, что вопрос борьбы против войны непосредственно влияет на все остальные вопросы. Они спорили о мерах против дороговизны и злоупотребления чрезвычайными полномочиями, высказывались за отмену военных трибуналов, однако обсуждение результатов Циммервальдской конференции оставалось главным вопросом. Представители старого реформистского «кружка Грютли» безуспешно пытались с помощью всевозможных шовинистических уловок повернуть дискуссию в другом направлении. Они говорили, что социал-демократическая партия Швейцарии должна воздерживаться

от принципиальных выступлений по этому вопросу, с тем чтобы после войны сыграть роль посредника между социалистическими партиями воюющих стран. Цюрихские делегаты на это резко отвечали, что на многочисленных местных собраниях их кантона была принята резолюция, в которой заявлялось, что «причиной мировой войны является алчность крупного капитала и хищнические устремления империалистических правительств». Поэтому они предлагали поддержать Циммервальдскую конференцию. Правда, в их заявлении недостаточно ясно было выражено, что эта поддержка должна начаться с решительной борьбы против швейцарского капитализма, наживавшегося на вызванном войной росте промышленного производства.

После некоторых маневров Гримма Грабер заявил от имени нейшательских делегатов, что он присоединяется к Цюрихскому проекту и согласен, в частности, снять ту фразу в Нейшательской резолюции, в которой партийное руководство критиковалось за его враждебное отношение к Циммервальдской конференции. Один из цюрихских делегатов напомнил участникам съезда, что в Циммервальде обнаружились две тенденции, и позиция представителей одной из этих тенденций — Циммервальдской левой, отражена в листовке, розданной делегатам съезда. Циммервальдская конференция, сказал он, призывала, правда, в своем манифесте к миру, но ничего не говорила о том, как следует бороться, чтобы достигнуть мира и сделать его прочным. Нельзя ограничиться предложением цюрихской секции; необходимо добавить предложение нейшательцев, утверждающее, что мира можно достигнуть не продолжением войны, а лишь революционными действиями рабочего класса.

Делегаты наградили выступление товарища из Цюриха аплодисментами. При заключительном голосовании 330 голосами против 51 была принята Цюрихская резолюция, улучшенная последним предложением Нейшательского проекта.

Швейцарский рабочий класс начинал показывать, что он вопреки руководству социал-демократической партии хочет активно участвовать в борьбе против войны.

В то время имел хождение лозунг «Соединенных Штатов Европы». Некоторые интернационалисты спра-

шивали себя, следует ли пропагандировать идею создания Соединенных Штатов Европы?

Этот вопрос дискутировался и в большевистских кругах. Ленин посвятил этой теме одну из своих больших статей в «Социал-демократе»:

«Конечно, возможны *временные* соглашения между капиталистами и между державами. В этом смысле возможны и Соединенные Штаты Европы, как соглашение *европейских* капиталистов... о чем? Только о том, как бы сообща давить социализм в Европе, сообща охранять награбленные колонии...»

В этой статье, опубликованной 23 августа 1915 года, Ленин впервые сформулировал идею о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране. Это было открытием глубочайшего значения, оказавшим впоследствии влияние на развитие всей нашей эпохи. Ленин писал: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы *против* остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств».

Год спустя в написанной в Женеве статье «Военная программа пролетарской революции» Ленин развивал эту мысль дальше: «Развитие капитализма совершается в высшей степени неравномерно в различных странах. Иначе и не может быть при товарном производстве. Отсюда непреложный вывод: социализм не может победить одновременно *во всех* странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными. Это должно вызвать не только трения, но и прямое стремление буржуазии других стран к разгрому победоносного пролетариата социалистического государства. В этих случаях война с нашей стороны была бы законной и справедливой».

Ленин занялся изучением экономической стороны вопроса. Он продолжал читать философские, исторические и военные книги; он тщательно изучал сельскохозяйственную статистику США и ряда европейских стран, которая нужна была ему для его книги «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии» (ему удалось написать лишь первую часть). Помимо всего, он начал новый гигантский труд. Он стал делать выписки из всех доступных ему книг по современной экономике, технике, истории, географии, политике, дипломатии, рабочему движению и колониальному движению в современную эпоху, т. е. в эпоху империализма. Эти заметки составили двадцать тетрадей и послужили ему основой для написания книги «Империализм, как высшая стадия капитализма».

Однако книгохранилищ бернских библиотек не хватало для этого. Ленин переезжает в Цюрих. В этом большом промышленном городе он имел возможность теснее связаться с швейцарским рабочим движением.

ГЛАВА X

ЧТО ТАКОЕ ШВЕЙЦАРИЯ?

Кинтальская конференция.— На Мон-сюр-Бексе и в дешевом пансионе.— Швейцария — империалистическое государство.

Вечером 8 февраля 1916 года большой зал бернского Народного дома был переполнен.

Бернская социал-демократическая газета «Бернер тагвахт», вышедшая на следующий день, следующим образом описывала это собрание, посвященное задачам рабочего класса в условиях войны:

«Краткого объявления в «Тагвахте» было достаточно. Без двадцати восемь большой зал Народного дома вместе с галеркой и рестораном были набиты битком. Среди собравшихся были не только пролетарии, по составу собрание напоминало скорее ярмарку! Это могло служить сигналом как для федерального правительства, так и для пролетариата. Собрание проходило под знаком нового, III Интернационала, и это симптоматично.

В 8.15 товарищ Гримм открыл собрание.

Гримм предоставил слово итальянскому депутату-социалисту Модильяни, который в несколько общей форме выступил против индивидуализма, шовинизма и за социализм. После перевода его речи на немецкий язык слово было предоставлено «товарищу Ленину из России».

Выступает Ленин. Он обращается к рабочим Берна, к трудящимся Швейцарии:

«Товарищи! Вот уже более полутора лет свирепствует европейская война. И с каждым дальнейшим месяцем, с каждым дальнейшим днем войны для рабочих масс становится все яснее, что Циммервальдский манифест сказал правду...»

Затем Ленин еще раз подчеркнул, что эта война является империалистической, грабительской войной. Ленин весь в движении. Непринужденно, засунув руки в

карманы, наклонившись вперед и прищулив по привычке один глаз, он продолжал:

«Это звучит неправдоподобно, в особенности для швейцарских товарищей, но тем не менее это верно, что и у нас в России не только кровавый царизм, не только капиталисты, но и часть так называемых или бывших социалистов говорит о том, что Россия ведет «оборонительную войну»...»

Ленин вынул левую руку из кармана и, отчеканивая каждый слог, говорит о том, что царизм угнетает многочисленные народы.

Затем он вынул и правую руку из кармана, и его слова мощно зазвучали в зале, делая более суровыми лица людей: «Ни Россия, ни Германия и никакая другая великая держава не имеют права говорить об «оборонительной войне»: все великие державы ведут империалистическую, капиталистическую войну, разбойничью войну...»

Ленин напомнил о торжественных пацифистских резолюциях довоенных социалистических конгрессов и указал на их справедливость. Не все социалисты, заметил он, действовали в соответствии с резолюциями. Небольшая часть их и прежде всего вожди перешли на сторону воюющих правительств, в то время как остальные, трудящиеся, собирают силы в борьбе против войны, за революцию. И Ленин привел пример пяти большевистских депутатов Думы, сосланных несколько месяцев тому назад в Сибирь.

«Товарищи!.. Я хочу только привести вам еще пример величайшей и богатейшей центральной страны¹, а именно Соединенных Штатов Америки. Капиталисты этой страны получают теперь колоссальные прибыли от европейской войны. И они также агитируют за войну. Они говорят, что Америка тоже должна готовиться к участию в войне, сотни миллионов долларов народных

¹ Эта речь Ленина приводится здесь по тексту «Бернер тагвахт» от 9. II. 1916. Редакция газеты не остановилась перед небольшой, но весьма характерной фальсификацией: «Я хочу только привести вам еще пример величайшей и богатейшей нейтральной страны», — сказал Ленин. «Тагвахт» вместо «нейтральной» напечатал «центральной», что совершенно бессмысленно. Но «нейтралитет» стал уже настолько щекотливой темой для «Тагвахт», что было не до честности...»

денег должны быть выкачаны на новые вооружения, на вооружения без конца. И в Америке часть социалистов следует этому лживому, этому преступному призыву. Но я прочитаю вам, что пишет товарищ *Евгений Дебс*, популярнейший вождь американских социалистов, кандидат американской социалистической партии на пост президента республики.

В американской газете «Appeal to Reason» («Призыв к Разуму») от 11 сентября 1915 года он говорит: «*Я не капиталистический солдат, я пролетарский революционер, я принадлежу не к регулярной армии плутократии, а к иррегулярной армии народа. Я отказываюсь идти на войну за интересы капиталистического класса*».

После того как Ленин в столь непосредственной форме обратился к своим швейцарским слушателям, приведя им пример социалиста из другой нейтральной страны, он сказал в заключение:

«Не напрасно падут миллионы жертв на войне и из-за войны. Миллионы, которые голодают, миллионы, которые жертвуют своею жизнью в окопах, они не только страдают, но и собирают силы, размышляют об истинных причинах войны, закаляют свою волю и приходят к все более и более ясному революционному пониманию. Растущее недовольство масс, растущее брожение, стачки, демонстрации, протесты против войны,— все это происходит во *всех* странах мира. *И это служит нам ручательством, что после европейской войны наступит пролетарская революция против капитализма*».

После Ленина взял слово троцкист Раковский из Бухареста, выступивший «за нейтралитет международного социализма».

Зачитав извинение немецкого товарища Мюллера из Кельна, которому «серьезные причины помешали выступить», председательствующий Гримм сам произнес речь о политическом положении в Швейцарии, высказавшись при этом за «борьбу за нейтралитет». Он ни слова не сказал о тех, кто наживался в Швейцарии на войне, не призывал он бороться и с пособниками империалистов в Швейцарии...

Этот митинг состоялся в связи с расширенным за-

седанием Международной социалистической комиссии в Берне. Ленин участвовал в этом заседании. Было решено созвать в дни пасхи вторую Циммервальдскую конференцию.

10 февраля Ленин направил письмо портовому рабочему-большевику Сафарову, проживавшему в Сен-Назере, который незадолго до этого был выслан из Франции за проявление активной симпатии к антиимпериалистической оппозиции социалистической партии Франции. В этом письме, распространенном по предложению Ленина в качестве листовки, Ленин советовал французским рабочим-социалистам открыто порвать с обманувшими их вождями и призывал к образованию во Франции коммунистической партии. Ленин заканчивает письмо следующими полными веры словами:

«Не анархистская фраза о революции, а длительная, серьезная, упорная, настойчивая, систематическая работа по созданию *повсюду* нелегальных организаций среди *рабочих*, по распространению *свободной*, т. е. нелегальной литературы, по подготовке движения *масс* против своих правительств. Вот что нужно рабочему классу всех стран!

Неправда, что «французы неспособны» на систематическую нелегальную работу. Неправда! Французы быстро научились прятаться в траншеях. Быстро научатся они и *новым* условиям нелегальной работы и систематической подготовке *революционного* движения *масс*. Я верю в французский революционный пролетариат. Он подтолкнет и французскую оппозицию...

Предлагаю французским товарищам издать *отдельным листком* перевод этого моего письма (полный перевод)».

Комиссия закончила свою работу в середине февраля. Ленин, работавший над книгой об империализме, поехал в Цюрих, где он намеревался пробыть 14 дней, чтобы подобрать недостающие материалы. Он получил разрешение на временное проживание в Цюрихе благодаря рекомендации двух социал-демократических деятелей. Полиция, наводившая справки о нем в его квартале, отмечала в своем отчете, что за ним «не замечено ничего предосудительного», что он точно выполняет свои обязанности и зарабатывает немного денег литературным трудом.

С 16 февраля Ленин проживал у сапожника Каммерера на 2-м этаже дома «Цум Якобсбруннен», Шпигельгассе, 12, на узкой, крутой улочке¹.

«Комната была не очень целесообразная,— вспоминала Н. К. Крупская.— Старый мрачный дом стройки чуть ли не XVI века, двор вонючий. Можно было за те же деньги получить гораздо лучшую комнату, но мы дорожили хозяевами. Семья была рабочая, революционно настроенная, осуждала империалистскую войну. Квартира была поистине «интернациональная»: в двух комнатах жили хозяева, в одной — жена немецкого солдата-булочника с детьми, в другой — какой-то итальянец, в третьей — австрийские актеры с изумительной рыжей кошкой, в четвертой — мы, россияне. Никаким шовинизмом не пахло, и однажды, когда около газовой плиты собрался целый женский интернационал, фрау Каммерер возмущенно воскликнула: «Солдатам нужно обратить оружие против своих правительств!» После этого Ильич и слышать не хотел о том, чтобы менять комнату».

Сапожник Каммерер рассказывал позже известному немецкому писателю Эгону Эрвину Кишу: «Что за квартирант был г-н Ульянов? Бог мой, я был доволен им; ежемесячно он платил мне за комнату 28 франков, во время войны это было достаточно; нынче это стоило бы дороже... он не доставлял нам много хлопот. Было оговорено и пользование кухней, готовила г-жа Ульянова большей частью яйца, посыпая их сильно перцем; они всегда пили чай. Господин Ульянов день-деньской просиживал за столом, читая книги и газеты, и писал до глубокой ночи. Бог мой, сколько же он получал писем и газет! Посмотрите сюда, этот угол был каждый день полон, а г-н Ульянов, чтобы не заставлять почтальона так часто подниматься наверх, сам приносил всю эту корреспонденцию».

12 марта он писал своей матери:

«Дорогая мамочка! Посылаю тебе карточки, одну для Маняши.

¹ Решением Цюрихского муниципального совета на фасаде этого дома, под окнами комнаты, где проживал Ленин, укреплена мемориальная доска с надписью: «Здесь с 21 февраля 1916 года по 2 апреля 1917 года проживал Ленин, вождь русской революции».

Мы живем теперь в Цюрихе. Приехали позаниматься в здешних библиотеках. Озеро здесь очень нам нравится, а библиотеки много лучше бернских, так что пробудем еще, пожалуй, дольше, чем хотели. Писать можно на здешний адрес: почта всегда перешлет.

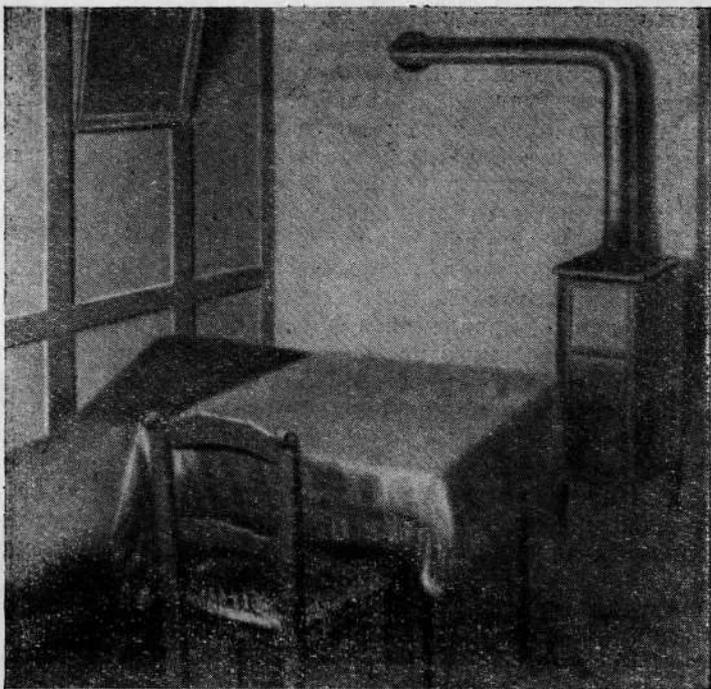
Надеюсь, у вас нет уже больших холодов, и ты не зябнешь в холодной квартире? Желаю, чтобы поскорее было тепло и ты отдохнула от зимы».

Собирая материалы для своей книги об империализме, Ленин посещал в Цюрихе Центральную библиотеку, библиотеку «Музейного общества» и скромный читальный зал «Управления общественной литературы». В течение длительного времени он ежедневно проводил по 4 часа (по два — утром и по два — после обеда) в этом читальном зале, находившемся тогда на Зайлерграбен, 31. Там он читал журналы и газеты различных стран, труды по социологии, а также все швейцарские социалистические издания. Он систематически изучает экономические и статистические материалы, публиковавшиеся швейцарскими профсоюзными секретарями.

Он готовит также вторую конференцию, для которой составляет «Предложение Центрального Комитета РСДРП 2-ой социалистической конференции». Для этой же цели он пишет работу о праве наций на самоопределение, опубликованную на немецком языке в № 2 органа Циммервальдской левой «Дер Форботе» («Предвестник»).

Эта вторая конференция состоялась во время пасхи (с 24 по 30 апреля 1916 года) в Кинтале, небольшой горной деревушке на берегу ручья, стекающего с Блюмлизальпа к Кандеру и далее к Тунскому озеру.

Некоторые делегации, как например Англии, Австрии, Румынии, Болгарии, Швеции и Норвегии, так же как и во время Циммервальдской конференции, не получили необходимых виз и не смогли приехать в Швейцарию. Среди участников было восемь русских (в том числе 3 большевика), семь немцев, семь итальянцев, пять поляков, четыре француза, один серб, один австриец, один португалец и один англичанин (на правах гостя). Руководящий комитет социал-демократической партии Швейцарии делегировал Грабера, Грейлиха, Нобса, Платтена и Агнессу Робман; Грейлих, однако, не при-

Комната Ленина у сапожника Каммерера в Цюрихе.

ехал. Помимо четырех названных швейцарских делегатов, в Кинтале находились также в качестве членов Международной социалистической комиссии Гримм и Нэн.

Немецкая делегация должна была быть самой многочисленной, однако приглашенные Каутский, Хаасе и Бернштейн отказались приехать, а из остальных шестнадцати избранных делегатов в Швейцарию смогли прибыть лишь семь.

Французы были представлены депутатами-социалистами Жан-Пьером Раффэн-Дюгеном, Александром Бланком, Пьером Бризоном (которого Ленин считал полушовинистическим болтуном) и издателем выходившего в Женеве журнала «Демэн» журналистом Жильбо. Делегаты профсоюза металлистов и учителей, а также молодежного союза не получили виз.

Согласно официальному отчету, на конференции присутствовали 44 делегата. По другим данным, их было лишь 43. Точное число установить трудно ввиду того, что некоторые делегаты вынуждены были соблюдать конспирацию. Так, невозможно точно установить настоящее имя двух немецких делегатов среди большого числа псевдонимов, которыми пользовались представители некоторых нелегальных организаций. Кроме того, ряд делегатов располагал не только мандатом своей группы, но и полномочиями организаций, которые не смогли прислать своего представителя.

12 делегатов принадлежали к левой Циммервальдской (в том числе 3 швейцарца — Нобс, Платтен и Агнесса Робман), по ряду частных вопросов их поддерживали некоторые другие делегаты.

За время, прошедшее после Циммервальдской конференции, повсюду в мире усилились антивоенные настроения среди масс, о чем Ленин говорил в своем докладе в бернском Народном доме. Ширилось забастовочное движение во французской военной промышленности, произошли забастовки на Путиловском заводе в Петрограде, забастовка рабочих швейной фабрики в Нью-Йорке, демонстрации в защиту Либкнехта в немецких промышленных городах, в которых участвовал наряду с другими новыми борцами молодой портовый рабочий гамбуржец Эрнст Тельман. Под давлением этого массового движения центристское большинство Кинтальской конференции пошло за левыми и решилось, наконец, осудить социалистических вождей, вступивших на путь шовинистической поддержки империализма, и подвергнуть суровой критике руководящий орган II Интернационала — Международное социалистическое бюро, закрывшее в связи с войной свои местные организации.

Бурные дебаты, начатые в Циммервальде, возобновились в Кинтале.

Порой дискуссия вновь приобретала ожесточенный характер. Бывший соратник Ленина по «Искре» меньшевик Мартов воскликнул: «Ленин говорит впустую! Где же его рабочие батальоны? Нигде!»

Брингольф, нынешний председатель социал-демократической партии Швейцарии, упоминая об этой реплике в одной из речей в 1924 году, сказал: «И все же Ленин правильно предвидел, остальные были слепы».

1 мая, когда делегаты социал-демократической партии Швейцарии возвратились в Цюрих, на улицах города разразилась мощная демонстрация против повышения цен и последствий мобилизации.

В тот же день Карл Либкнехт выступил с обращением к берлинскому населению и призвал его бороться против войны. Власти выписали ордер на арест Либкнехта.

Ленин деятельно помогал международному рабочему движению, в частности международному молодежному движению, освободиться от мелкобуржуазных «пацифистских» иллюзий. Он доказывал в своих статьях, что существуют справедливые и несправедливые войны. Революционеры, заявлял он, борются против несправедливых войн, войн захватнических, грабительских, имеющих целью закабалить другие страны; но они поддерживают справедливые войны, войну народа против своих поработителей, войну колониальных народов против грабителей-империалистов.

31 мая Ленин записался в Публичную университетскую библиотеку в Женеве, чтобы ознакомиться там с произведениями, необходимыми для завершения его книги об империализме. Спустя два дня, 2 июня, он выступил в Женеве с докладом о Кинтальской конференции. Этот доклад назывался «Два течения в международном рабочем движении». В начале июля он закончил свою книгу «Империализм, как высшая стадия капитализма».

Три недели спустя Карл Либкнехт, приговоренный ранее судом первой инстанции к двум с половиной годам тюремного заключения, был осужден кассационным судом к 4 годам и одному месяцу тюрьмы, увольнению из армии и лишению гражданских прав. Свыше 50 тысяч берлинских рабочих объявило забастовку.

В том же году пришедший из окопов французский писатель Анри Барбюс опубликовал свою книгу «Огонь». Эту книгу, в которой наконец-то вопреки цензуре была сказана правда о войне, прочли сотни тысяч людей (многие французы впервые услышали здесь имя Либкнехта, произнесенное одним из героев романа, капралом Бертраном).

В окопах и резервных частях тыла солдаты начинают задавать себе вопросы и размышлять, думать о будущем; молодой офицер Поль Вайян-Кутюрье выразил смутные мысли многих своих товарищей:

«Ах, господа повелители, как бы вы испугались, если бы смогли отгадать мои сокровеннейшие мысли!»

Новости проникали и на фронт, путешествуя с одного участка на другой. Повсюду говорили о Циммервальде и об отклике, вызванном во Франции начатой в Циммервальде кампанией. В феврале 1916 года солдат Раймон Лефебр писал своему другу Полю Вайян-Кутюрье: «Социалистическая партия с возмущением отвергает капитуляцию своих вождей».

В конце 1916 года 3-тысячная профсоюзная конфедерация учителей Франции единодушно выразила мужественным товарищам немецкого меньшинства, и прежде всего Розе Люксембург, Карлу Либкнехту и Кларе Цеткин, свою горячую симпатию и пожелание, чтобы их пример «вскоре разбудил в Европе новую революционную энергию». В своей книге «Сын народа» Морис Торез, батрачивший в то время в Ключье, департамент Крез, следующим образом описывал атмосферу этих месяцев 1916 года:

«Мой хозяин, Менаже, выписывал «Юманите» (редактором ее был тогда Ренодель). Этот старый каменщик, выросший десять человек детей, был настроен революционно и утверждал, что в интересах рабочих положить конец войнам. Дело идет вовсе не о защите отечества, говорил он, просто эти грабители-капиталисты ссорятся между собой, одни хотят расширить свои владения за счет других, спорят из-за колоний. Дядюшка Менаже вспоминал пророческие речи Жореса против марокканской войны и цитировал его слова: «Капитализм несет в себе войну, как туча — грозу». Он осуждал лозунг «война до победного конца», возмущался империалистическими целями этой войны и стоял за скорейшее заключение мира без аннексий и контрибуций. Он рассказывал мне о Циммервальде и Кинтале, деревушках, затерянных в горах Швейцарии: отсюда в 1915 и 1916 гг. впервые сквозь едкий дым сражений донеслись голоса небольшой когорты подлинных социалистов, во главе которых был Ленин и большевики, верные идеи пролетарского интернационализма и революции».

Движение народных масс ставило перед Лениным тогда множество вопросов: борьба за социализм принимала решающий оборот. Закончив книгу об империализме, он считал необходимым продолжить свою работу в этой об-

ласти, но его жена снова заболела и вынуждена была жить в горах. Ленин переезжает сначала в виадские Альпы над Бексом в очень старый и очень скромный деревянный домик, расположенный на высоте 900 метров на небольшом лугу среди чудесных, покрывавших крутые склоны гор еловых и буковых лесов. Здесь не было никакого комфорта. Кухня имела всего лишь одно маленькое окошко и часто была полна дыма. Воду приходилось приносить ведрами из родника перед домом. Однако для Крупской это было самое подходящее место, к тому же отсюда открывался чудесный вид на Альпы и на долину Роны. Продукты приходилось брать в деревне, и Ленин был очень доволен, что захватил свой верный велосипед. Иногда он давал покататься на нем дочке своего соседа. Сосед, г-н Эдуард Сосса, сообщил местной газете интересные подробности о пребывании там Ленина:

«Ленин,— писал Сосса,— проживал с 1 июля по 14 августа 1916 года в Мон-сюр-Бекс, на даче Секс-Водран, называвшейся также дачей Буюше и принадлежавшей тогда г-ну Альфреду Женье из Бекса.

Цена за снимаемое помещение была назначена 25 франков в месяц.

Ленин выехал из Мона 14 августа, заплатив 12,5 франка в окончательный расчет за помещение, 4 франка за дрова и 1 франк за овощи.

Прощаясь с господином и госпожой Женье, Ленин заявил: «В России готовятся большие события!»

На пожелание г-на Женье, чтобы Россия, эта большая страна, имела такой же демократический строй, как у нас в Швейцарии, Ленин ответил: «Да, но у вас в Швейцарии все-таки буржуазное правительство!..»

Ленин проживал у нас вместе со своей супругой Крупской.

Эта супружеская чета не вела никакой коммунистической пропаганды у нас в округе, но она была исключительно общительна с местными жителями».

Ленин и Крупская переезжают в дом отдыха Чудивизе (кантон Сен-Гален). Этот пансион был действительно дешевый: 2,5 франка в день с человека, зато все блюда неизменно готовились из молока или из молочных продуктов.

«Первые дни мы прямо взвыли от этого молочного лечения,— писала Крупская,— но потом дополняли его

Альпийский курорт Чудивизе во Флумзских горах.

малиной и черникой, которые росли кругом в громадном количестве. Комната наша была чистая, освещенная электричеством, безобстановочная, убирать ее надо было самим, и сапоги надо было чистить самим. Последнюю функцию взял на себя, подражая швейцарцам, Владимир Ильич и каждое утро забирал мои и свои горные сапоги и отправлялся с ними под навес, где полагалось чистить сапоги, пересмеивался с другими чистильщиками и так усердствовал, что раз даже при общем хохоте смахнул стоявшую тут же плетеную корзину с целой кучей пустых пивных бутылок».

Дни проходили в долгих прогулках по лесам и горам. По вечерам Ленин беседовал с простыми обитателями этого скромного пансиона. Среди них был посланный сюда на лечение молодой швейцарский солдат, к которому Ленин испытывал симпатию, хотя тот не очень интересовался политическими вопросами и проблемами войны. Возможно, молодой человек не доверял иностранцу, отлично говорившему по-немецки, но совершенно не понимавшему сен-галенского диалекта.

«Чудивизе было километрах в восьми от станции,— пишет Крупская,— сообщение возможно было лишь на ослах, дорога шла тропинками по горам, все ходили пешком, и вот почти каждое утро, часов в шесть утра, начинал названивать колокол, собиралась публика прово-

жать уходящих, и пели какую-то прощальную песню про кукушку какую-то. Каждый куплет кончался словами: «Прощай, кукушка». Владимир Ильич, любивший утром поспать, ворчал и плотнее закутывался в одеяло с головой».

Утром в день отъезда Ленина и его супруги обитатели пансиона также пели «Прощай, кукушка».

Шел дождь, но когда Владимир Ильич вдруг увидел в лесу грибы, он перестал его замечать и принялся с азартом за их сбор. Ленин со своей женой вымокли до костей, но грибов набрали целый мешок. Когда они прибыли на станцию, то поезд, конечно, уже ушел, и пришлось часа два сидеть в ожидании следующего.

В начале сентября Ленин возвращается в Цюрих. Он прямо направился к сапожнику Каммереру. «Я отказался от моих новых постояльцев, чтобы вновь принять Ленина и его жену, — рассказывает сапожник, — ибо мы продолжали оставаться хорошими товарищами».

Даже столь скромное пребывание в горах было для Ленина очень дорогостоящим предприятием. Он отказывает себе во всем, и все же ему очень трудно ежемесячно платить 28 франков за квартиру. Он пишет:

«О себе лично скажу, что заработок нужен. Иначе прямо поколеть, ей-ей!! Дороговизна дьявольская, а жить нечем».

Ленин просит оказать давление на издателей, чтобы те выслали гонорар за его рукописи.

«Если не наладить этого, то я, ей-ей, не продержусь, это вполне серьезно, вполне, вполне».

Он поручает своей сестре связаться с издателями его работ по экономике, написанных им в завуалированной форме, чтобы они смогли пройти через царскую цензуру. В конце октября он писал ей:

«Дорогая Маняша!.. Очень благодарю за хлопоты с издателями и посылку денег. Получена ли новым издателем рукопись о новейшем капитализме? Пожалуйста, извести, когда получится. Я придаю этой экономической работе особенно большое значение и особенно хотел бы поскорее видеть ее в печати в полном виде. Ты пишешь, что «Аграрный вопрос» издатель хотел бы выпустить книгой, а не брошюрой». Я понимаю это так, что я должен прислать продолжение (т. е. в дополнение к написанному об Америке написать обещанное о Германии).

Засяду за эту работу, как только покончу с тем, что я должен написать в оплату аванса у старого издателя.

Итак, значит, считаю, что новый издатель *заказал* мне продолжение об аграрном вопросе! При случае это ему напомни. (500 р. еще не получил, но, конечно, получу на днях: это, по-моему, не аванс, а оплата полученных издателем рукописей.)

Нельзя ли узнать (при случае, не специально), поместил ли Гранат мою статью о Марксе в Словаре? Оттиска, обещанного, я не имею. Если он не отвечает, нельзя ли в библиотеке справиться, взяв словарь на эту букву?»

22 января 1917 года Ленин, к своему удивлению, получил 500 франков, а 15 февраля — 800 франков.

«Напиши, пожалуйста, какие это деньги, — просил он сестру, — от издателя ли и от которого и за что именно и мне ли. Необходимо бы иметь расчет, т. е. знать, какие именно вещи уже оплачены издателем и какие нет. Я не могу понять, откуда так много денег; а Надя шутит: «пенсию» стал-де ты получать. Ха-ха! Шутка веселая...»

Ленин изучает теоретические вопросы с еще большим усердием, чем когда-либо. С 9 до 12 часов он работает в библиотеке, сразу после обеда он снова возвращается туда и остается там до 6 часов. В своей комнате он работает неохотно, поскольку находившаяся поблизости колбасная фабрика распространяла неприятные запахи, и окно можно было открыть лишь поздно вечером. По четвергам, возвращаясь днем из библиотеки, он обычно покупал на 15 сантимов две плитки шоколада с орехами и после обеда, так как в этот день библиотека вечером была закрыта, отправлялся со своей женой на Цюрихберг, где у них было излюбленное пустынное местечко в самой чаще. Там, лежа на траве, Ильич читал книги и газеты, угощаясь шоколадом.

В это время он пишет статьи против «убогих идей», как он говорил, которые некоторые путаники и интриганы прикрывали левой фразеологией, пытаясь принизить роль пролетариата в борьбе за элементарные демократические требования в эпоху империализма. Изучая национально-колониальный вопрос, он доказывал, что пролетарская революция должна поддерживать национально-освободительную борьбу колониальных и полуколониальных народов против империализма.

30 сентября 1916 года Ленин участвует в происходящем в Берне заседании Международной социалистической комиссии.

Теперь Ленин внимательно следит за швейцарским рабочим движением, левое крыло которого начинает выступать более смело. Он принимал даже участие в собраниях местных организаций социал-демократической партии. Бывший федеральный советник Эрнст Нобс рассказывает об этом:

«В период пребывания в Цюрихе Ленин вместе со своей женой Крупской регулярно посещал все общегородские, открытые для всех членов партии партсобрания в Народном доме.

Он приходил рано и садился всегда на одно и то же место в одном из передних рядов возле прохода. Ленин был одним из самых внимательных слушателей».

Цюрихский врач Фриц Бруйбахер, часто встречавшийся в то время с Лениным, рассказывает еще подробнее:

«Ленин очень внимательно следил за настроениями в рабочих организациях Цюриха. Если обсуждался важный вопрос, он непременно посещал это собрание. Так, Ленин присутствовал на собрании рабочих деревообрабатывающей промышленности, на котором обсуждался вопрос о Дне молодежи, на собраниях Рабочего союза Цюриха по военному вопросу, на собрании молодежи в Хоттингене, где Платтен говорил об отказе от воинской службы и о революционной пропаганде в армии, на собрании группы членов Унтерштрассе, где я выступал по военному вопросу. Поистине ленинским было невероятное терпение, которое он проявлял по отношению к швейцарским товарищам».

1 августа в Цюрихе в связи с годовщиной начала войны состоялись антивоенные демонстрации. 36 молодых рабочих были арестованы. Газета «Нейе цюрихер нахрихтен» потребовала запрещения социал-демократической молодежной организации. Эта организация готовила по всей стране на 3 сентября антивоенные митинги. С 27 августа по 3 сентября ее члены устроили обход домов, чтобы разъяснить рабочим цель этого движения. Бундесрат запретил всякие уличные демонстрации и шествия. Под давлением Правления социал-демократической партии молодежь подчинилась этому запрещению, кроме

Шо-де-Фона, где дело дошло до кровопролитных столкновений с войсками. 40 тысяч человек по всей стране приняли участие в 139 митингах, организованных в закрытых помещениях. После этого дня было создано 30 новых секций социал-демократической молодежной организации. Она насчитывала теперь 157 секций и около 5 тысяч членов против 40 секций и 1300 членов в начале войны.

В то время Ленин считал необходимым дать свою принципиальную оценку положению в Швейцарии: Швейцария является империалистическим государством, связанным с другими империалистическими державами многочисленными финансовыми узами.

В последующие месяцы Ленин часто и с настойчивостью возвращался к этой формулировке. Швейцария подвергалась военной угрозе, и он считал, что эмигрировавшие в эту страну интернационалисты должны помочь представителям левого крыла социал-демократической партии Швейцарии сказать правду своему народу вопреки Гриммам, Грейлихам и К^о, распространявшим даже среди рабочего класса иллюзии об «особом» и «исключительном» положении Швейцарии.

В написанной в сентябре статье «Военная программа пролетарской революции» Ленин говорил:

«Швейцарии, напр., ее империалистская обстановка объективно предписывает две линии рабочего движения: оппортунисты стремятся в союзе с буржуазией к тому, чтобы сделать из Швейцарии республикански-демократический монополярный союз для получения прибыли от туристов империалистской буржуазии и чтобы это «спокойное» монополярное положение использовать как можно выгоднее, как можно спокойнее.

Действительные социал-демократы Швейцарии стремятся использовать относительную свободу и «международное» положение Швейцарии для того, чтобы помочь победить тесному союзу революционных элементов рабочих партий Европы. Швейцария говорит, слава богу, не на «своем самостоятельном» языке, а на трех мировых языках, и как раз на таких, на которых говорят в граничащих с ней воюющих странах».

Ленин составляет текст приветственного обращения к Итальянской социалистической партии. Приветствие было зачитано на съезде 15 октября в Цюрихе одним из членов ЦК РСДРП.

3 ноября, накануне съезда социал-демократической партии Швейцарии, Ленин обратился с приветствием к совещанию делегатов левого крыла партии. Он участвовал в составлении проекта резолюции о Кинтальской конференции, которую на следующий день намечалось представить на рассмотрение съезду.

В субботу, 4 ноября, в Цюрихе открылся съезд социал-демократической партии Швейцарии. Ленин присутствовал на нем в качестве официального представителя ЦК РСДРП. В конце первого утреннего заседания он выступил перед 352 делегатами, представлявшими 20 682 члена партии.

«Недавно,— говорил Ленин,— социал-демократическая партия Швейцарии имела честь навлечь на себя гнев вождя официальной датской социал-демократической партии — господина министра Стаунинга. Последний в письме на имя другого — также quasi-социалистического — министра Вандервельде, от 15 сентября с. г., с гордостью заявил, что «мы (датская партия) резко и определенно отреклись от организационно-вредной раскольнической работы, осуществляемой по инициативе итальянской и швейцарской партии так называемым циммервальдским движением».

Приветствуя от имени ЦК РСДРП съезд швейцарской социал-демократической партии, я делаю это в надежде, что эта партия будет и впредь поддерживать международное объединение революционных социал-демократов, которое началось в Циммервальде и должно окончиться полным разрывом социализма с его министерскими и социал-патриотическими предателями».

Ленин доказал далее, что это движение в Европе ширится. В качестве примера он ссылается на революционный опыт русских социал-демократов. Под аплодисменты делегатов он закончил свое выступление пожеланием съезду успеха в работе.

В воскресенье вечером работа съезда закончилась единым принятием предложенной Нобсом резолюции, в которой «съезд выразил глубочайшую симпатию и солидарность тысячам пролетариев, томящихся в застенках за дело социализма. В частности, съезд приветствовал заточенных правительствами в тюрьмы мужественных борцов за новый Интернационал, сосланных в Сибирь депутатов Думы, товарищей Либкнехта, Розу Люксем-

Ich Ulanow Vladimir
(Name)
Wohnung: Spiegelgasse 14 II
habe am 2. XII 1916 für vier Wochen
aus der Bibliothek der Z. f. s. L. d. S. entlehnt:
(Autor und Titel angeben.)
Jugend-international
Male
№ 1-5

Заполненный Лениным листок Учреждения общественной литературы Швейцарии.

бург, Меринга, вождя шотландского пролетариата Мак Лина».

Далее в предложенной Нобсом резолюции говорилось, что ни благочестивые пожелания буржуазных и социалистических пацифистов, ни геройские террористические акты одиночек не избавят человечество от войн и капитализма. Этого можно достигнуть лишь революционной борьбой пролетариата. Нобс предлагал поэтому оказывать поддержку революционному движению в воюющих странах. Он предложил съезду рекомендовать руководству партии «развернуть агитацию за массовый сбор денежных средств».

В поддержку своего предложения Нобс сообщил только что полученное известие: ходатайство Либкнехта о пересмотре процесса отклонено, а приговор — 4 года тюремного заключения — оставлен в силе. Делегаты встре-

тили это сообщение возгласами возмущения и свистом.

Гримм нашел этот текст недостаточно ясным и предложил другую формулировку заключительных слов резолюции, которая была единодушно принята съездом: «Провести массовый сбор денежных средств в поддержку борьбы социалистов против войны». При этом если не делегаты съезда, то Нобс и Гримм имели в виду, конечно, борьбу в других странах, а не в Швейцарии...

И, наконец, съезд выразил свое согласие с Кинтальской конференцией и одобрил решение руководящего комитета о созыве 11 февраля 1917 года чрезвычайного съезда для обсуждения «вопроса о войне». Под этим подразумевался, хотя и несколько неясно выраженный, вопрос о борьбе с военной опасностью, угрожавшей Швейцарии.

Эта проблема была доминирующей в течение целого весьма бурного периода в истории социал-демократической партии Швейцарии.

Тотчас после съезда 4—5 ноября 1916 года Ленин начал помогать представителям левого крыла в подготовке следующего чрезвычайного съезда.

В начале ноября Ленин пишет свои тезисы, озаглавленные «Задачи левых циммервальдистов в швейцарской с.-д. партий». Поскольку работа была написана Лениным по-французски, Ленин попросил Инессу Арманд еще раз просмотреть ее, после чего, собственноручно переписав текст, он разослал его ряду товарищей. Впервые эти тезисы были опубликованы в 1918 году на французском языке в виде брошюры, распространенной группой «Нувель Интернациональ» в Женеве. В кратком предисловии женевские товарищи следующим образом отмечали значение этих тезисов:

«В впервые публикуемом сегодня меморандуме Ленин указывает целую программу революционной деятельности швейцарских социалистов. Хотя эта маленькая работа написана два года тому назад, когда ее автор еще был простым, мало известным вне социалистических кругов политемигрантом, проживавшим в Швейцарии, она тем не менее чрезвычайно актуальна. Следует, действительно, лишь удивляться глубокому и точному знанию фактов и условий нашей страны, которые обнаружил этот «иностранный» автор. Можно понять, что именно за его прозорливость и его революционный деятельный дух русские

пролетарии поставили его во главе своей великой революции. Ленин разослал свой рукописный меморандум некоторым социалистам-интернационалистам, одобрявшим принципы левой группы Циммервальда, спустя несколько месяцев после Цюрихского партсъезда 4—5 ноября 1916 года и в преддверии Бернского партсъезда, назначенного на начало будущего года. Мы полагаем, однако, что окажем добрую услугу всему швейцарскому рабочему классу, опубликовав здесь полный текст меморандума».

В начале своих тезисов Ленин отмечает, что «центр» швейцарской с.-д. партии, во главе которого оказался Р. Гримм, соединяет «левые» заявления с «правой», т. е. оппортунистической, практикой. В этих условиях представители левой Циммервальдской должны были сплотиться и мобилизовать все свои силы для претворения в жизнь партийных решений.

«Недостаточно принимать резолюции сочувствия Либкнехту; надо взять всерьез его лозунг, что теперешние с.-д. партии нуждаются в *возрождении*».

Социал-демократическая партия должна относиться с недоверием к правительству, так как это правительство находится в самой тесной экономической и финансовой связи и полной зависимости от буржуазии «великих» империалистических держав, а также и потому, что оно проводит реакционную внутреннюю и внешнюю политику. Оно «может оказаться способным (с согласия всей правящей Швейцарией буржуазии, конечно) продать интересы швейцарского народа той или иной империалистической коалиции».

Поскольку свирепствовавшая в то время в Европе война была империалистической, Ленин подчеркивает:

«Ни в мирное ни в военное время социал-демократическая партия и депутаты ее никоим образом не могут голосовать за военные кредиты, какими бы обманчивыми речами о «защите нейтральности» и пр. такое голосование ни оправдывалось».

И далее в своих тезисах Ленин делает то, чего не могли или не хотели сделать представители левого крыла Швейцарской социал-демократической партии: он с предельной ясностью указывает, как увязать борьбу швейцарского народа против роста дороговизны и косвенных налогов с борьбой против военной угрозы.

20 и 30 ноября в кафе «Цум Адлер» Ленин беседует с представителями левых в социал-демократической партии Швейцарии об их задачах и об отношении их партии к войне.

20 ноября он пишет об этих беседах, а также и о тезисах Инессе Арманд, оставшейся в Берне. При этом он указывает, что говорил не «вообще» о защите отечества, а о конкретных условиях империалистической войны, которая происходит в Европе.

1 декабря Ленин пишет письмо швейцарскому социал-демократу Артуру Шмидту, с которым он дискутировал накануне, во время совещания левых:

«Уважаемый товарищ!

Разрешите мне предложить полюбовное соглашение?

Я должен сознаться, что вчера недостаточно обратил внимание на один очень важный пункт в Ваших рассуждениях. А именно, на мысль о том, что своеобразие Швейцарии состоит между прочим в ее большей демократичности (всенародное голосование) и что это своеобразие надо использовать *также и* для пропаганды. Эта мысль очень важна и, по моему мнению, совершенно правительна.

Нельзя ли было бы применить эту мысль таким образом, чтобы наши разногласия (вероятно, очень незначительные) исчезли?»

Ленин предлагает провести в условиях империалистической войны народный референдум за устранение милитаризма через экспроприацию крупных капиталистических предприятий, порождающих милитаризм.

Следует заявить, добавляет Ленин, что «Швейцария нуждается не в буржуазном, а в пролетарском правительстве, которое опиралось бы не на буржуазию, а на широкие массы наемных рабочих и мелкого люда, и что революционная массовая борьба, начало которой мы видим, напр., в цюрихских массовых стачках и уличных демонстрациях и которая признана аарауским решением, преследует именно эту цель — положить таким путем *действительный* конец невыносимому положению масс».

Ответ Артура Шмидта на это предложение Ленина не известен.

В начале декабря Ленин работает над составлением своих «Тезисов об отношении швейцарской социал-демократической партии к войне».

«...Швейцарское правительство,— писал он,— является управляющим делами швейцарской буржуазии, которая всецело зависит от международного финансового капитала и самым тесным образом связана с империалистской буржуазией великих держав.

Поэтому отнюдь не случайность, а необходимый результат этих экономических фактов то, что швейцарское правительство с каждым днем — и так происходит уже в течение десятилетий — ведет все более и более реакционную политику и тайную дипломатию, оттесняя и нарушая демократические права и свободы народа, пресмыкается перед военной кликой и интересы широких масс населения систематически и бесстыдно приносит в жертву интересам кучки финансовых магнатов.

Вовлечение Швейцарии в настоящую войну возможно теперь в любой момент, благодаря этой зависимости швейцарского буржуазного правительства от интересов финансовой олигархии, а также под сильным нажимом той или иной из коалиций империалистских держав.

3. Поэтому и в отношении к Швейцарии «защита отечества» является теперь не чем иным, как лицемерной фразой, потому что в действительности речь идет не о защите демократии, независимости и интересов широких народных масс и т. д., а наоборот, о подготовке к бойне рабочих и мелкого крестьянства в целях удержания монополий и привилегий буржуазии, об усилении господства капиталистов и политической реакции».

18 декабря Ленин писал Инессе Арманд:

«Дорогой друг! Получилось сегодня еще одно письмо из СПб.— в последнее время оттуда заботливо пишут...

Настроение, пишут, архиреволюционное.

Рукопись моя об империализме дошла до Питера, и вот пишут сегодня, что издатель (и это Горький! о, теленок!) недоволен резкостью против... кого бы Вы думали?... Каутского! Хочет списаться со мной!!! И смешно и обидно.

Вот она, судьба моя. Одна боевая кампания за другой — против политических глупостей, пошлостей, оппортунизма и т. д.

Это с 1893 года. И ненависть пошляков из-за этого. Ну, а я все же не променял бы сей судьбы на «мир» с пошляками».

«И МЫ ПОМОЖЕМ!»

Ленин у молодежи Цюриха.— Два пути открываются перед швейцарскими рабочими.— Надо использовать соперничество разбойников.— Прощальное письмо швейцарским рабочим.

4 января Ленина пригласили в Цюрихское жандармское управление для полицейской проверки. Он дал письменное заявление, которое было подшито к его личному делу:

«Я не дезертир, не укрывающийся от военной службы, а политический эмигрант со времени революции 1905 года».

Спустя несколько дней в одном из секретных полицейских донесений сообщалось, что Ленин располагает для себя и для своей жены ежемесячным доходом в 200—250 франков.

Начало четвертого года войны застало Ленина за продолжением его теоретических работ. Он писал многочисленные статьи и брошюру о статистике и социологии. Он еще раз перечитал все то, что написано у Маркса и Энгельса по вопросу о государстве, и занялся тщательными исследованиями в этой области. Ленин предчувствовал, что приближается момент, когда вызванная войной революционная ситуация поставит вопрос о создании нового государства, и готовился к этому. Он делал выписки, а свои уже сложившиеся выводы заносил в толстую тетрадь в голубой обложке, которая позже ляжет в основу его книги «Государство и революция».

* *
*

Чрезвычайный съезд социал-демократической партии Швейцарии, назначенный на 11 февраля 1917 года для обсуждения позиции партии по отношению к войне, был

7 января 1917 года по решению руководства партии отложен на неопределенный срок.

Ленин сообщил об этом уже на следующий день в своем письме к Карпинскому в Женеву.

8—9 января Ленин пишет «Открытое письмо к Шарлю Нэну, члену Международной социалистической комиссии в Берне», в котором недвусмысленно указывает, что Grimm в тайном сговоре с правыми хочет помешать швейцарским рабочим высказать свое мнение о лучших методах борьбы с военной угрозой. Не желая, чтобы все это осталось лишь «спором между вождями», деморализующе действующим на массы, Ленин ставит Шарлю Нэну прямой вопрос: «Разве не выступили против Grimma вы, тов. Нэн, никогда не примыкавший ни прямо ни косвенно, ни формально ни неформально к циммервальдским левым?»

В первой половине января Ленин написал воззвание «К рабочим, поддерживающим борьбу против войны и против социалистов, перешедших на сторону своих правительств».

В середине января он принял решение обсудить с рядом левых швейцарских социал-демократов вопрос о том, какую позицию следует занять по отношению к проискам Grimma.

Члены левой группы решили провести референдум против откладывания съезда, на котором должен обсуждаться вопрос о борьбе с военной угрозой. Организаторы референдума требовали, чтобы съезд был созван в ближайшее время. В противоположность руководству партии они считали, что не следует дожидаться конца войны, чтобы обсудить вопрос о средствах борьбы с нею. Составленная в этом духе резолюция была разослана всем секциям.

19 января Ленин поставил в известность находившихся в Швейцарии большевиков о готовящемся референдуме против откладывания партийного съезда.

22 января Ленин выступил в Народном доме перед молодыми рабочими Цюриха с докладом, посвященным годовщине Кровавого воскресенья — 9 января 1905 года. 12 лет назад известие об этом событии застало Ленина в Женеве по дороге в «Общество любителей чтения»...

Он раскрыл перед слушателями всю историю рево-

люции 1905 года, сделав из нее выводы на текущий момент:

«Нас не должна обманывать теперешняя гробовая тишина в Европе. Европа чревата революцией. Чудовищные ужасы империалистской войны, муки дороговизны повсюду порождают революционное настроение, и господствующие классы — буржуазия, и их приказчики — правительства, все больше и больше попадают в тупик, из которого без величайших потрясений они вообще не могут найти выхода.

Подобно тому, как в России в 1905 году под руководством пролетариата началось народное восстание против царского правительства, с целью завоевания демократической республики, так ближайшие годы как раз в связи с этой хищнической войной приведут в Европе к народным восстаниям под руководством пролетариата против власти финансового капитала, против крупных банков, против капиталистов, и эти потрясения не могут закончиться иначе, как только экспроприацией буржуазии, победой социализма».

Между 26 и 30 января Ленин написал свою статью «Двенадцать кратких тезисов о защите Г. Грейлихом защиты отечества». Эта статья была опубликована цюрихской социал-демократической газетой «Фольксрехт» 31 января и 1 февраля.

«...Перед швейцарским пролетариатом, — писал Ленин, — только два пути:

Первый путь. Помогать своей национальной буржуазии вооружаться, поддерживать мобилизации в целях, якобы, защиты нейтралитета и ежедневно подвергаться опасности быть втянутым в империалистскую войну. В случае «победы» в такой войне — голодать, зарегистрировать 100 000 убитых, положить в карманы швейцарской буржуазии новые миллиарды военных прибылей, обеспечить ей новое прибыльное вложение капитала за границей и попасть в новую финансовую зависимость от своих империалистских «союзников» — великих держав.

Второй путь. В тесном союзе с интернационалистическими революционными меньшинствами всех великих держав вести решительную борьбу против всех «буржуазных правительств» и прежде всего — против *своего* «буржуазного правительства», не оказывать никакого

«доверия» как своему буржуазному правительству вообще, так и его речам об охране нейтралитета, и вежливо пригласить социал-патриотов перебраться в грюлианский союз».

Также в январе Ленин пишет статью «Мнимое или действительное болото?», в которой он, как бы отвечая Гримму, говорит:

«Быть с Либкнехтом, это значит: (1) нападать на главного врага в своей собственной стране; (2) разоблачать социал-патриотов своей собственной страны (а не только *иностранных*, с вашего разрешения, т. Гримм!)...»

На одной из главных улиц Цюриха Ленин встретил однажды Нобса, редактора «Фольксрехт», допустившего ряд выпадов против сторонников левых.

Вспоминая об этой встрече, Крупская писала: «Заметив Ильича, Нобс сделал вид, что хочет сесть в трамвай. Ильич однако задержал его и, взяв за пуговицу пальто, не отпускал до тех пор, пока не изложил ему своей точки зрения на предстоящую революцию».

30 января Ленин пишет Инессе Арманд: «...Все интернационалисты не на словах *должны* помочь швейцарским рабочим и левым. И мы поможем!»

Между 9 и 11 февраля Ленин написал «Предложение об изменениях в резолюции по военному вопросу». Эти предложения должны были быть представлены на рассмотрение кантональных конференций социал-демократической партии Швейцарии представителями левых групп. Логически развивая Аараускую резолюцию 1915 года, Ленин указал швейцарским рабочим путь к устранению ужасной дороговизны и милитаризма, а также путь борьбы с военной угрозой.

19 февраля Ленин вновь пишет Инессе Арманд, и, в частности, об интригах Троцкого:

«Вот так Троцкий!! Всегда равен себе=виляет, жульничает, позирует как левый, *помогает* правым, пока можно...»

Затем он рекомендовал Инессе Арманд непременно отправиться в Шо-де-Фон и сотрудничать там, как она и намеревалась, в социал-демократической партии:

«Ну, а что же с Вашей поездкой в La Chaux-de-Fonds? Совсем ли бросили сию мысль и все вообще планы насчет романско-швейцарской работы? Не следовало бы

бросать. Здесь дела, как я писал, неважны, но все же сегодня кончили *листок № 1* («швейцарская группа циммервальдских левых»). Посмотрим, что выйдет!

Если не теперь, то вообще (т. е. немногим позже) удастся (я уверен) — если не нам, то преемникам нашим — создать *направление* левых в Швейцарии. *Почва для этого есть!*»

В конце февраля Ленин написал «Историю одного маленького периода в жизни одной социалистической партии», где изложил по дням историю дискуссии, или отсутствия дискуссии, по вопросу о войне в социал-демократической партии Швейцарии в январе 1917 года.

* *
*

Днем 15 марта 1917 года Ленин собирался идти в библиотеку, а его жена убирала посуду, как вдруг в их комнату постучались, и Крупская открыла дверь неожиданному гостю. Это был один польский социал-демократ, проживавший в Цюрихе. Он прибежал, чтобы сообщить Ленину новость:

— Вы ничего не знаете? — воскликнул он. — В России революция!

Ленин спешно надел свое старое, поношенное пальто и бегом направился узкими переулками к набережной.

Скорее! Скорее! Наконец-то он на берегу озера, у газетного щита, где «*Нейе Цюрихер цейтунг*» вывешивала самые свежие сообщения.

В России действительно революция: в Петрограде всеобщая забастовка, охватившая также другие районы страны. Происходят столкновения между рабочими и полицией. Солдаты, посланные в помощь жандармам, переходят на сторону забастовщиков, избравших Совет рабочих и солдатских депутатов...

Ленин ходит по городу, но то и дело возвращается к этому газетному щиту. В его голове зреют различные планы скорейшего возвращения в Россию.

На следующий день официальные телеграммы сообщали об образовании Временного правительства во главе с крупным помещиком князем Львовым, министрами были промышленники и банкиры, а также один эсер, адвокат Керенский, получивший второстепенный портфель министра юстиции.

16 марта Ленин написал письмо Александре Коллонтай в Стокгольм, в котором дал указания относительно тактики, которой следует придерживаться большевикам в России, и поручил Коллонтай переслать им эти указания. Особенно настоятельно Ленин рекомендовал усилить революционную пропаганду за завоевание власти Советами рабочих и солдатских депутатов, а не «кадетскими жуликами».

17 марта Ленин уточнил свою мысль в директивах, направленных им через Коллонтай товарищам в Россию:

«Вширь! Новые слои поднять! Новую инициативу будить, новые организации во всех слоях и им *доказывать*, что *мир* даст лишь вооруженный Совет рабочих депутатов, если он возьмет власть».

В воскресенье, 18-го, Ленин поехал в Шо-де-Фон. Он был приглашен в этот город часовщиков на празднование годовщины Парижской коммуны. Вечером он выступил в рабочем кружке (улица 1 Марта, 15) с докладом о Парижской коммуне и развитии революционного движения. Публика в зале была довольно смешанная: здесь были и швейцарцы из германской и романской частей страны, и русские эмигранты, и уклонявшиеся от военной службы представители разных национальностей.

В понедельник утром Ленин вернулся в Цюрих. В тот же день он послал в Стокгольм телеграмму большевикам-эмигрантам, выезжавшим оттуда в Россию, в которой еще раз дал им советы относительно тактики партии.

Затем он написал письмо В. А. Карпинскому в Женеву: «Я всячески обдумываю способ поездки. Абсолютный секрет — следующее. Прошу ответить мне тотчас и, пожалуй, лучше экспрессом (авось партию не разорим на десяток лишних экспрессов), чтобы спокойнее быть, что никто не прочел письма».

Возьмите на свое имя бумаги на проезд во Францию и Англию, а я проеду *по ним* через Англию (и *Голландию*) в Россию.

Я могу одеть парик.

Фотография будет снята *с меня* уже в парике, и в Берн в консульство я явлюсь с Вашими бумагами уже в парике.

Вы тогда должны скрыться из Женевы минимум на несколько недель (до телеграммы от меня из Скандина-

вии): на это время Вы должны запрятаться архисурьезно...

Если согласны, начните *немедленно подготовку* самым энергичным (и самым тайным) образом, а мне черкните тотчас во всяком случае.

Ночью Ленин обдумывал все возможные варианты. Ему пришло в голову попросить находившихся еще в Стокгольме товарищей достать ему паспорт на имя шведского гражданина, а так как он не знал шведского языка, то собирался прикинуться глухонемым. Жена шутила: «Заснешь, увидишь во сне меньшевиков и станешь ругаться: сволочи, сволочи! Вот и пропадет вся конспирация!»

«Какая это пытка для всех нас сидеть здесь в такое время!» — писал он.

Он начинает писать серию «Писем из далека» для «Правды», ставшей снова выходить легально. В этих письмах он дает анализ революционного движения и намечает план действий для партии: он рассматривает Временное правительство как буржуазное правительство, готовое продолжать грабительскую войну, а Советы рабочих и солдатских депутатов характеризует как «зародыш рабочего правительства, представитель интересов всех *беднейших* масс населения, т. е. $\frac{9}{10}$ населения, добивающийся *мира, хлеба, свободы*».

Ленин продолжает писать статьи. Он составил и опубликовал листовку с обращением к военнопленным.

27 марта он выступил в Цюрихе с докладом на тему «О задачах РСДРП в русской революции», текст которого был опубликован в №№ 77 и 78 «Фольксрехта».

Через несколько дней в 81-м номере «Фольксрехта» была опубликована еще одна статья Ленина, выдержки из которой были перепечатаны затем в итальянской социалистической газете «Аванти».

Ленин имел теперь достаточную информацию, чтобы понять, что Англия никогда не позволит ступить на свою территорию такому противнику войны, как он. А между тем Центральный Комитет через своего стокгольмского представителя дал лаконичное указание: «Ульянов должен немедленно приехать».

Ленин решил, используя противоречия между империалистами, попытаться возвратиться в Россию через Германию.

При посредстве Гримма был установлен контакт с нужными людьми. Но Гримм попытался сделать из этого политический гешефт, и Ленин заменил его Платтенем, которому было поручено заняться лишь практическим осуществлением поездки.

Днем 4 апреля Ленин принял участие в совещании по организации отъезда эмигрантов в помещении профсоюзного органа «Цур Айнтрахт», расположенном возле его квартиры.

В 15 часов он сел на поезд, отходивший в Берн.

Ночь он провел в Народном доме, где узнал, что детально разработанные им условия поездки были приняты: вагону, в котором будут следовать эмигранты, была гарантирована экстерриториальность, паспорта и багаж не подлежали контролю, без разрешения пассажиров никто не имел права входить в вагон. Эмигранты приняли на себя обязательство тотчас по возвращении развернуть кампанию за репатриацию такого же числа австрийцев и немцев, интернированных в России.

7 апреля всем эмигрантам в Шо-де-Фон, Лозанну, Женеву и другие города были посланы телеграммы, в которых сообщалось, что те, кто изъявил желание выехать, должны прибыть в Женеву самое позднее 9 апреля с первым утренним поездом.

8 апреля Ленин начал писать свое пятое «Письмо из далека». Однако он вынужден был прервать его. Время торопило. Он написал еще «Прощальное письмо к швейцарским рабочим», которое вечером было одобрено собравшимися в бернском Народном доме отъезжающими эмигрантами.

В письме говорилось:

«Товарищи швейцарские рабочие!

Уезжая из Швейцарии в Россию для продолжения революционно-интернационалистической работы на нашей родине, мы, члены Российской социал-демократической рабочей партии, объединенной Центральным Комитетом (в отличие от *другой* партии, носящей *то же самое* название, но объединенной Организационным комитетом), шлем вам товарищеский привет и выражение глубокой товарищеской признательности за товарищеское отношение к эмигрантам.

Если *открытые* социал-патриоты и оппортунисты,

швейцарские «грютлианцы», перешедшие, как и социал-патриоты всех стран, из лагеря пролетариата в лагерь буржуазии, если эти люди *открыто* приглашали вас бороться против вредного влияния иностранцев на швейцарское рабочее движение,— если *прикрытые* социал-патриоты и оппортунисты, составляющие большинство среди вождей швейцарской социалистической партии, вели в *прикрытой* форме такую же политику,— то мы должны заявить, что со стороны революционных социалистических рабочих Швейцарии, стоящих на интернационалистской точке зрения, мы встречали горячее сочувствие и извлекли для себя много пользы из товарищеского общения с ними.

Мы были всегда особенно осторожны, выступая по тем вопросам швейцарского движения, для ознакомления с которыми нужна долгая работа в местном движении. Но те из нас, которые, в числе едва ли больше, чем 10—15 человек, были членами швейцарской социалистической партии, считали своим долгом по общим и коренным вопросам международного социалистического движения решительно отстаивать нашу точку зрения, точку зрения «Циммервальдской левой», решительно бороться не только против социал-патриотизма, но и против направления так называемого «центра», к которому принадлежат Р. Гримм, Ф. Шнейдер, Жак Шмид и др. в Швейцарии, Каутский, Гаазе, «Arbeitsgemeinschaft» в Германии, Лонге, Прессман и др. во Франции, Сноуден, Рамсей Макдональд и др. в Англии, Турати, Тревес и их друзья в Италии, названная выше партия «Организационного комитета» (Аксельрод, Мартов, Чхеидзе, Скобелев и др.) в России.

Мы работали солидарно с теми революционными социал-демократами Швейцарии, которые группировались отчасти вокруг журнала «Freie Jugend», которые составляли и распространяли мотивы референдума (на немецком и французском языке) с требованием созыва на апрель 1917 г. съезда партии для разрешения вопроса об отношении к войне,— которые вносили на цюрихском кантональном съезде в Töss резолюцию молодых и «левых» по военному вопросу,— которые издали и распространили в некоторых местностях французской Швейцарии в марте 1917 г. листок на французском и немецком языках «Наши условия мира» и т. д.

Мы посылаем братский привет этим товарищам, с которыми мы работали рука об руку, как единомышленники».

Затем в письме излагалась программа большевиков: никакой поддержки Временному правительству, борьба за рабоче-крестьянское правительство, которое принесет миру мир. Письмо заканчивалось словами:

«Да здравствует *начинающаяся* пролетарская революция в Европе!»

На следующий день приготовления к отъезду были закончены. На 3 тысячи франков, выделенных Комитету помощи эмигрантам социал-демократической партией, цюрихские кооперативы доставили продовольствия на 10 дней.

«На прощанье,— рассказывал его квартирохозяин, сапожник Каммерер,— я пожелал ему счастья и сказал: «Надо надеяться, что в России Вам не придется так много работать, как здесь, г-н Ульянов!» Он ответил задумчиво: Я думаю, г-н Каммерер, мне придется работать в Петербурге еще больше!

— Ну, ну,— сказал я,— больше, чем здесь, Вы так или иначе не сможете писать. Найдете ли Вы там сразу комнату? Ведь там, наверное, сейчас жилищный кризис?

— Комнату-то я получу в любом случае,— ответил г-н Ульянов,— только я не знаю, будет ли она такой же тихой, как Ваша, г-н Каммерер! После этого он уехал».

Обедали отъезжающие в ресторане «Цюрингер Хоф». В 14.30 покинули ресторан. На вокзале Ленина окружили швейцарские товарищи, в основном молодежь. Они пожалы ему руку, а один из них, Зигфрид Блок, сказал:

— Надеемся вскоре вновь Вас увидеть среди нас, товарищ!

— Это было бы нехорошим политическим признаком! — ответил с улыбкой Ленин.

15 часов 10 минут. Поезд тронулся, вскоре цюрихский вокзал остался позади.

Владимир Ильич Ленин уезжает. Он покидает эту страну и этот народ.

Он едет навстречу великой стройке счастья, план которой он начертал.

Владимир Ильич Ленин едет к своей партии и к своему народу, которые его призвали. Первый акт, под-

писанный им в качестве руководителя правительства страны, занимающей шестую часть мира, был декрет о мире:

«Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава I. ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТНИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК	
Природа хороша, язык труден.— Теория и практика встречаются в одном из кварталов Женевы	6
Глава II. СТУДЕНТ ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ УЛЬЯНОВ	
«Что вы бунтуете, молодой человек?» — Первый клиент адвоката Ульянова.— Очень знающий марксист	9
Глава III. ИСКРА НЕ ПОТУХЛА	
Встреча на берегу Женевского озера.— Феноменальная нетерпимость Плеханова	15
Глава IV. ЛЕНИНСКИЙ ПЛУГ	
Горный орел.— Нужно изменить существующий мир!	19
Глава V. ВПЕРЕД!	
Домик в женевском предместье.— «Какая прекрасная вещь — наш съезд!» — В Альпах.— Новая газета	23
Глава VI. ВОСЬМИЧАСОВОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ И ОРУ-	
ЖИЕ!	
Кровавое воскресенье и эмигранты с улицы Каруж.— Митинги солидарности в Женеве и Лозанне.— «Про- летарий»	32
Глава VII. ТВЕРДОКАМЕННЫЙ	
«Точно в гробу». — Горький и газетная контрабанда.— «Пролетарий» снова выходит в свет.— «Я тоже «ищу- щий»»	42
Глава VIII. В БОРЬБЕ ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИЗМА	
«Каково ваше отношение к войне?» — Борьба с импе- риалистами и нейтралитет.— Диспут в Лозанне.— Мы любим свою родину, но ненавидим ее рабство	53

**Глава IX. ПОБЕДА СОЦИАЛИЗМА ВОЗМОЖНА В
ОДНОЙ СТРАНЕ**

Конференции женщин и молодежи в Берне.— Гримм, Нэн, Грабер и другие.— Бурная дискуссия в деревушке Циммервальд.— Социал-демократическая партия Швейцарии намерена обсуждать вопрос о войне после войны.— Капитализм развивается неравномерно 65

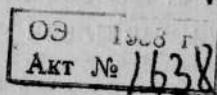
Глава X. ЧТО ТАКОЕ ШВЕЙЦАРИЯ?

Кинтальская конференция.— На Мон-сюр-Бексе и в дешевом пансионе.— Швейцария — империалистическое государство 82

Глава XI. «И МЫ ПОМОЖЕМ!»

Ленин у молодежи Цюриха.— Два пути открываются перед швейцарскими рабочими.— Надо использовать соперничество разбойников.— Прощальное письмо швейцарским рабочим 104

3P-16842

МОРИС ПИАНЗОЛА
Ленин в Швейцарии

Редактор *М. Гильгулин*

Художественный редактор *Н. Симагин*

Технический редактор *Н. Трояновская*

Ответственный корректор *А. Левина*

Сдано в набор 28 января 1958 г. Подписано в печать 21 апреля 1958 г.
Формат 84 X 108^{1/2}. Физ. печ. л. 3^{1/4}. Условн. печ. л. 5,94. Учетно-изд. л. 5,86.
Тираж 75 тыс. экз. А 01296. Заказ № 3292. Цена в обложке 1 р. 35 к.,
в переплете 3 р. 35 к.

Государственное издательство политической литературы.
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата Министерства
культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

1 р. 35 к.

46981

58-3
3963₂

ГОСПОЛИТИЗДАТ · 1958